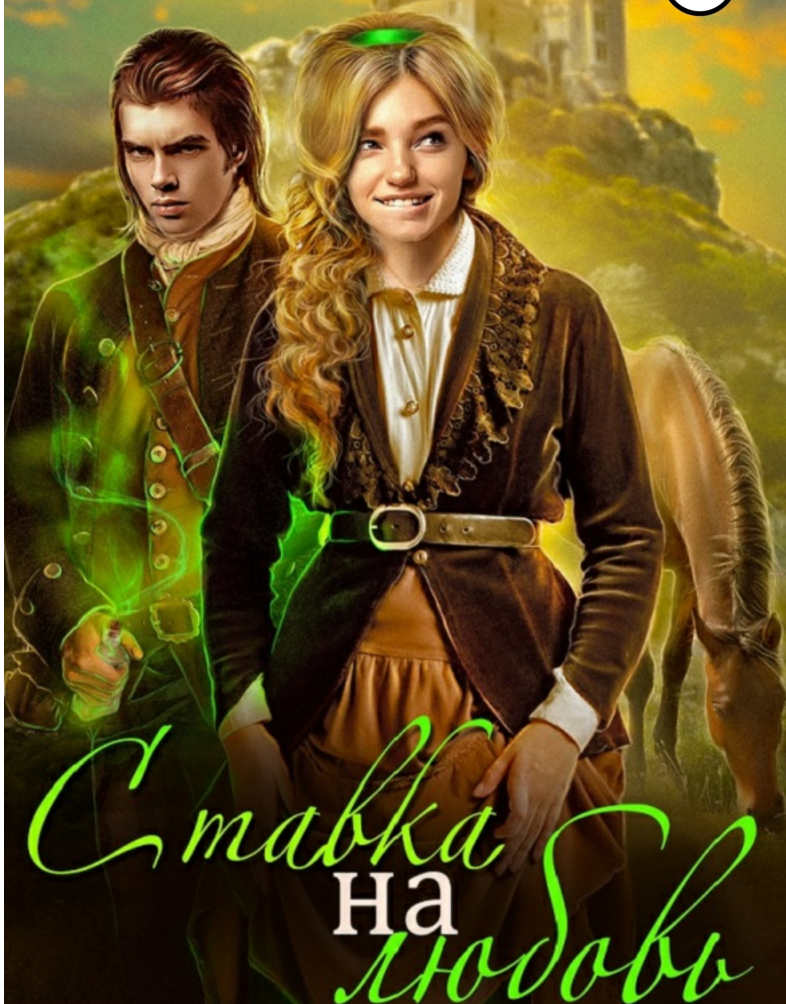

Ника Ёрш

16+

Ставка
на
любви

Ника Ёрш

Ставка на любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48675826

SelfPub; 2019

Аннотация

Почему бы не сходить замуж, пока мама в отъезде? Как говорится, себя показать, на других посмотреть... Заодно можно опровергнуть сплетни, о том, будто женщины рода Эстерхаун не умеют любить. И пусть план не продуман, а приключения обещают большие неприятности, Софи начинает действовать! Чем это обернется? Браком со скучным, но богатым врачом, пробуждением страшного дара, множеством проблем для обоих супругов, обнаружением новых родственников и, конечно, любовью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	48
Глава 4	76
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Глава 1

как Софи перехитрила саму себя

– Я весь горю, о Софи!

Руки Марка жадно прошлись по моей талии, спустились ниже, огладили бедра и снова метнулись вверх, к груди.

– Как долго я ждал этой минуты! – шептал он мне в ухо, обжигая нежную кожу горячим дыханием.

“Всего три дня”, – отстраненно подумала я, вспоминая, когда начался этот скоротечный роман. Не забывая шумно дышать и изображать полнейший экстаз от каждого прикосновения, бросила осторожный взгляд на дверь, про себя обзывая рыжего Борка самыми нехорошими словами. Скорее бы он вспомнил обо мне и привёл людей, чтобы уличить нас с Марком Винчертом в самых жутких непотребствах. Последний как раз задрал мне юбку и нащупал под ней кружевные панталоны.

– Новая преграда! – выругался мой будущий, надеюсь, супруг, нервно оттягивая ткань нижнего белья в разные стороны, пытаюсь, видимо, её разорвать.

“Ну-ну, – злорадно усмехнулась я, откидывая голову и громко, старательно постанывая, – попробуй порвать гномий трикотаж. Правильно тетка Генридонна говорила: лучше иной раз мелочь переплатить, чтобы потом всю жизнь не расплачиваться”.

– Что за!..

Марк упал на колени, влез с головой мне под юбку и снова потянул заговоренные панталоны вниз. События развивались стремительнее, чем предполагалось, и я с тоской поняла, что если Борк не появится в ближайшую минуту, то придётся сворачивать так тщательно продуманный план и бежать. Не хватало ещё потерять невинность и остаться ни с чем. Марк по доброй воле не женится на простолюдинке, а просто так радовать его своим телом я не собиралась.

Прислушавшись к ночной тишине, я нервно облизнула губы. Счет шел уже на минуты, потому как Марк был настроен решительно. С улицы не доносилось ни звука.

“Придётся заканчивать этот спектакль”, – с грустью подумала я и взглянула вниз: на зад и ноги того, кто мог сделать меня счастливее и богаче.

Но вот, когда панталоны все же улетели в сторону, а губы случайно приехавшего в нашу глушь массажа коснулись внутренней части моего левого бедра, за дверью послышались возня и несколько мужских голосов. Марк замер, вслушиваясь в нехорошие для его репутации звуки, а я спешно спустила лиф платья пониже, едва не оголяя белоснежную грудь.

– Вот здесь и есть гнездо разврата! – Борк вбежал первым, указывая на нас зажженным факелом и довольно сверкая глазами. – Притаились, думали, око народа дремлет!!!

– Ах, – вскрикнула я, прикрываясь руками. – Что проис-

ходит?! Ох!

Счастье было так близко! Но тут Марк снова удивил. С неожиданной прытью и невероятным проворством, он вынырнул из-под юбки, швырнув меня на вошедших, и метнулся в сторону открытого настежь окна.

Борк ловко увернулся, едва не убив кого-то из приведенных свидетелей факелом, а я, пролетев мимо друга, упала прямо на отца Хонжа. Грудью.

– Бесстыдница! – Мадам Оли Фёрт начала истово креститься, закатывая глаза и плюясь от возмущения. – Блудница! Как это безнравственно! Позор на седины ее матери!

– Простите, – лепетала я, поднимаясь и натягивая лиф едва ли не по самые уши. – Не виноватая я. Меня совратили столичными прелестями!

– Поднимите отца Хонжа! – возопил кто-то из пришедших, и тут я поняла, что Борк очень постарался, разыскивая свидетелей. В дверях сеновала и за ними толпилось не меньше дюжины человек. Все их факелы и гневные взгляды были обращены на меня. Стало как-то совсем неловко.

– Испортили девку, – раздалось откуда-то с задних рядов.

– Кого там портить? – фыркнула дама в ответ. – Это же Софи Эстерхаун. Ее бабка была такой, мать тоже, и вот. Яблочко от яблоньки.

– С кем ты хоть? – с интересом спросил Дилан Пит. – Столичных-то трое приехало.

А я вдруг жутко испугалась. Вот сейчас спустят всё бога-

чу, а на меня метку поставят. И буду всю оставшуюся жизнь слыть продажной девкой! И дернула меня нечистая начать всю эту заваруху!

Только обратного хода не было. Нужно было спешить, пока Марк не дал деру и не придумал себе алиби!

– Я была с...

– Со мной, – раздался голос из темноты. В окно, из которого несколько минут назад вынырнул Марк, заглядывал один из его спутников. Вечно хмурый брюнет, с сильно заросшим лицом и нехорошим пронизательным взглядом. – А в чем, собственно, дело?

Одиннадцать факелов заботливо осветили ту часть сеновала, где появился столичный хлыщ. Он поприветствовал всех вялым взмахом руки с зажатой меж пальцев сигаретой. Благо незажженной.

– Так вот, – начала мадам Оли, первой придя в себя, – нехорошо это. Девицу на сеновал... Репутация же...

– Что с репутацией? – уточнил, словно и правда не понимая, господин Ллойд, кажется.

– Страдает, – подсказала я, пытаюсь понять, куда подевался Марк, зачем пришел его друг и что теперь делать.

– С чего бы? – удивился нахал.

– Вы осквернили непорочное тело! – очнулся наконец отец Хонж. – Вот с чего. И теперь просто обязаны жениться!

Ллойд перевел удивленный взгляд на меня, бегло осмотрел фигуру, задержавшись на груди, вернулся к лицу и, ух-

мыльнувшись, сообщил:

– Раз осквернил, готов понести положенное наказание. Если сама оскверненная не против.

Я была против, причем категорично, о чем и собиралась заявить нагледцу. Но тот опередил меня, добавив фразу, поставившую меня в тупик:

– Оба моих спутника обручены и вот-вот собираются жениться, так почему бы и мне не покончить с холостяцкой жизнью?

Как обручены? И Марк?!

Но тогда... Тогда я не могу признаться, что была именно с ним! Ведь он наверняка не женится, а лишь постарается откупиться. Его отпустят, а на мне поставят клеймо.

– Софи? – Отец Хонж схватил меня за руку и крепко сжал дрожащие пальцы, объявляя на весь сеновал: – Я искренне поздравляю тебя! Мы все поздравляем. Господь не зря привел нас сюда этой ночью! Мы пресекли греховную связь, дабы родилась новая семья!

Скосив глаза на подкупленного за две серебрянки Борка, я подумала, что вовсе не господь виноват во всей этой неразберихе.

Люди вокруг как-то разом оживились и принялись яро обсуждать произошедшее, предполагая, как сложится моя судьба дальше. В основном озвучивались не самые радужные перспективы... А я так и стояла, не в силах вымолвить ни слова.

– Вот и чудесно, – снова подал голос мой новоявленный жених, оборвав гомон и убрав сигарету в нагрудный карман дорогого жилета. – Тогда сразу нас и обвенчаете, а то мне с утра уезжать нужно. Там уж сами решайте, с оскверненной или без нее.

– Как обвенчать?! – Мне вдруг стало нехорошо. Как-то слишком уж быстро планы покатались коту под хвост. – Сначала положено обручиться, присмотреться друг к другу...

Ллойд нехорошо улыбнулся – аж мурашки по коже побежали – и громогласно объявил, осматривая народ:

– А ей всё мало! Уже три дня страсть одолевает, покоя не дает! Беру не глядя! Даже присматриваться дольше не стану!

Я подбоченилась, нахмурилась и совсем было собралась послать наглеца обратно, в столицу. Но меня прервали на полуслове:

– Возможно, это и правильно! – Отец Хонж приобнял меня за плечи. – Не стоит судить молодых, когда можно просто оказать им содействие во избежание большего зла! Сейчас же церковь откроем. Идём, Софи, идём! Не будем медлить!

– Но я не одета для венчания, – отступая, покачала головой. – Вот если бы подумать неделю и через месяц обручиться, а потом через год уже...

– Это она от счастья растерялась! – снова вклинился отец Хонж. – Страсть между вами разгорелась не напрасно, на все воля Высшего! За мной, дети мои, в дом Божий. А ты, Борк, сбегай за матушкой Софи, обрадуй и пригласи на обряд.

– Так она два дня как в Стэтхейм уехала, – хмыкнул рыжий прохиндей в ответ. – Ей теперь неделю точно не до обрядов будет. Товар на продажу повезла.

Я сцепила зубы, вспоминая о матушке. Вот уж от кого влетит по приезде!

– Это ничего! – не скрывая радости, заявил отец Хонж. – Вернется – всем спасибо скажет!

Мадам Оли скептически хмыкнула и многозначительно переглянулась с мужем; уж они-то точно представляли, какой скандал закатит мама, когда вернется домой. Единственную дочь выдали замуж без ее родительского благословения!

– Может, все-таки просто обручиться? – подал голос Борк, осознав, на кого в первую очередь ляжет груз ответственности за мое замужество. Это ведь он народ привел. И маме будет уже все равно, что я сама его подкупила...

– Можно и обручиться. – Новоявленный жених подхватил мою ладошку и прицельно, не спрашивая, надел на безымянный палец кольцо. С огромным переливающимся камешком. Тяжелое, холодное, невероятно красивое. И, судя по всему, безобразно дорогое. Так и замерев с приоткрытым от восхищения ртом, я не могла отвести взгляда от украшения, забыв обо всем на свете. В жизни ничего прекраснее не надевала.

– Подделка! – припечатала мадам Фёрт, нервно облизывая враз пересохшие губы.

– А сияет как настоящий. – Борк уставился на камешек,

словно зачарованный.

– Настоящий и есть, – спокойно подтвердил мой будущий муж. – Кольцо выполнено на заказ, внутри гравировка.

Я нетерпеливо стащила украшение, позабыв о том, что вообще не знаю этого Ллойда.

На внутренней стороне кольца действительно нашлась надпись. Около пяти факелов заботливо осветили небольшое пространство вокруг, все затаили дыхание в ожидании.

– Моей ненаглядной. С любовью, Дж.Л., – вслух прочла мадам Ферт и тут же благоговейно выдохнула. – А-ах! Какая прелесть! Когда вы только успели?

– Успел, – хмыкнул Ллойд. – Так что же, венчаемся, мадам-муазель? Или вернете колечко и расстанемся, безмерно страда и жалея о несбывшемся до конца жизни?

– Можно ведь просто зарегистрировать брак, – сжимая в ладони украшение, явно предназначенное другой, присмотрелась к жениху с новым интересом. Простой горожанин не мог позволить себе такое колечко. А выйти замуж за богача – моя мечта. И абсолютно все равно, Марк это или Ллойд. Все равно после я собиралась подать на развод...

Поставим подписи в гросс-книге, а после разбежимся по обоюдному согласию. Чем плохо?

– Боюсь, стать женой дарга можно лишь через божественное благословение, – убил мои надежды жених.

Дарг! Потомственный дворянин с магическими способностями на службе у короля! Надо же, какую важную птицу к

нам занесло.

Непонятно только, отчего он ко мне привязался? Или думает, что я венчания испугаюсь? В принципе, правильно думает, это ведь не просто подписи на бумажке поставить... Венчаться с даргом может лишь девица, не имевшая опыта близких отношений с другими мужчинами. А клятвы, данные во время обряда, исполнять нужно до конца жизни. И если по первому пункту я подхожу, то со вторым не согласна.

В последний раз глянув на колечко, я грустно вздохнула: не хотелось расставаться, хоть вещица и делалась не для меня. Но и венчаться на всю жизнь я не собиралась. Наотрез!

– Прошу прощения, но я вынуждена отказаться, – проговорила ровным голосом, не терпящим возражений, изо всех сил копируя интонации мамы во время торгов с поставщиками.

– То есть как?! – Отец Хонж шокированно воззрился на меня и передернул плечами. – Ты, дитя, по-видимому, не осознаешь, насколько пагубно поступила, согласившись на встречу с этим мужчиной в столь поздний час... здесь!

– На сеновале, – внесла ясность молчавшая до сих пор Эдна Ятски – первая сплетница нашего небольшого городка.

– Она, может, просто беседовала с ним, – вклинился Борк, алчно поглядывая на протянутое Ллоиду колечку. – Никакой скверны. Ошибся я.

– В этот час?! – мадам Эдна хохотнула. – Рядом с городской конюшней по-особенному беседуется? Или запах кон-

ского навоза способствует особому настроению? Не нашли иного, более подходящего и людного места?

– Не нашли, – твердо ответила я, делая шаг к Ллойдю. Слегка качнув перед ним полураскрытой ладонью с вложенным туда украшением, попросила: – Возьмите.

– И ты возьми, – гоготнул Дилан Пит, протягивая мне мой чулок, нанизанный на черенок от вил. – Потеряла во время светских разговорчиков.

Толпа снова заволновалась, а я густо покраснела. Не от стыда, а от злости. Надо же было этому противному Марку успеть стащить с меня предмет нижнего белья! Причем дорогого, качественного! Ну, попадись он мне на глаза! Развратник!

– С ума сошел?! – рявкнула я на Дилана, отступая на шаг. – Кто нашел, того и клад! А мне чужого не нужно. Кто-то до меня... обронил.

– Ну ладно, – заговорил Ллойд, перебивая нарастающий рокот очевидцев моего позора. Взяв с протянутой ладони колечко, он убрал его в карман жилета и, приобняв Ятски, улыбнулся ей: – Вы так переживаете за девушку, словно она ваша родная дочь. Такая сердобольная мадам.

– Кто дочь? Софи?! – Эдна яро перекрестилась, сбрасывая с себя руки нахала. – Что за шуточки? Её саму мать нагуляла в столице, и она по стопам пошла! Посадить бы у позорного столба нахалку! Пусть подумает над своим поведением!

– А почему бы и нет? – радостно откликнулись сзади, от

самого входа. – Давно пора преподавать урок этим Эстерхаун! Пусть мамашка знает, что не все решают ее связи!

– Непотребные связи! – отозвалась эхом мадам Ятски. – Все мы знаем, как она свой магазин открыла! И товар там так себе, одно название!

– То-то вы у мамы скидку на днях выбивали. Чуть ли не за полцены десять ярдов муслина уговаривали отдать! – закипела я, яростно осматривая нехорошо настроенную толпу. Бежать пора. Только бы до дома успеть, а там ворота заговоренные – отсижусь до маминого приезда. Потом получу, конечно, по первое число за эту авантюру...

Решившись, затаила дыхание и медленно сделала шаг назад.

– А ну молчать! – раздалось за спиной. Плечи сжали горячие пальцы. Крепко так, не вырваться. – Вы что устроили?! Что за дикие нравы?! У столба только воров и убийц сажают!

Ллойд говорил зло, отрывисто. Народ затих: прислушивался, искал в нем слабинку. Им уже мало было разойтись по хорошему, уж я-то такие вещи чувствую.

– Мы знаем, что делаем! – ответил отец Хонж, поднимая над головой факел. – А вот вы, молодой человек, не ведаете, что натворили! В столице всё и всем позволено, там царит разврат, а нам, в Кёльхельме, все еще важен моральный облик наших дочерей и жен! Какой мы подадим пример присутствующим, если оставим выходку Софи безнаказанной?

– Пример?! – Пальцы Ллойда сжали мои плечи сильнее

прежнего. – Присутствующим?! Дамам, что не сочли нужным даже одеться как следует, лишь бы успеть подглядеть в щель за Софи? Это им вы боитесь подать плохой пример?!

Отец Хонж несколько сконфуженно осмотрелся, задержал суровый взгляд на стоявшей ближе всех мадам Ятски, одетой лишь в теплый домашний халат поверх нижнего платья, и прокашлялся.

– Мы спешили предотвратить беду, – неуверенно ответил он, загораживая собой мадам Оли, также находящуюся не в лучшем виде.

– И предотвратили! – Ллойд обошел меня сбоку, отпустив, и громко объявил: – Я девушку не опорочил! Могу дать клятву дарга!

Люди обеспокоенно зашущукались, возмущенно засопели.

– Не нужно клясть! – Вперед снова вышла Эдна Ятски. – Если она с вами согласится венчаться и пройдет обряд как положено, значит, не порченная! А нет – так накажем, как велют наши устои!

Ллойд снова огрызнулся и встал чуть впереди меня, явно стремясь защитить от гнева толпы. И тут я задумалась.

Где еще встретить мужчину, способного встать на защиту незнакомой ему девушки? Точно не в нашей провинции! Да и в столице, думаю, таких немного. Тот же Марк сбежал в окно, стоило запахнуть жареным. А этот вот, стоит, строит из себя героя, пытается вразумить голодную до зрелищ толпу!

Глупый, конечно, зато сразу видно, благородный. Такой вряд ли обидит...

Конечно, он не в моем вкусе: слишком хмурый и собранный, а если шутит, то с таким лицом, будто засыпает. И ростом Марк выше меня намного, до него тянуться приходилось, чтоб поцеловать. А Ллойд, стоит мне каблук повыше надеть, со мной на одном уровне окажется. Хотя он выглядит крепче Марка. И явно богаче. Кольцо вот шикарное кому-то купил, но, видно, получил отказ. Так и носит теперь при себе, даже без коробочки, и потерять не страшно... Значит, болезненный отказ был.

Марк упоминал о друге, которому разбили сердце. И вот, кажется, он нашелся. Страдает по другой, родом из столицы, к тому же дарг. Мечта, да и только! Но дома опомнится, захочет развода и сам найдет изъян в нашем браке, чтобы разрыв оформить документально.

Что касается его ко мне интереса, тут тоже все ясно. Просто, видимо, был поблизости, когда Марк выскочил в окно, и решил проучить меня перед людьми. А потом жалко стало девушку-бедняжку, и он пошел на попятную. Прелесть просто! Не мужчина – мечта! Таким крути-верти, сколько вздувается, это тебе не мама!

– Я последний раз повторяю!.. – громогласно объявил мой герой, желая поставить точку в спорах, но тут мне пришлось вмешаться.

– Они правы!

Отец Хонж и мадам Ятски, которые почти сдались под давлением Ллойда, радостно взбодрились. Сам же будущий муж медленно обернулся и склонил голову к широкому плечу, ожидая продолжения.

– Моей репутации конец, – трагичным тоном сообщила в потолок. Чуть подождав, всхлипнула и заговорила сдавленно, словно собиралась расплакаться: – Решение за нас приняла сама судьба! Я хотела лишь увидеться, но люди стали невольными свидетелями нашей слабости. И теперь я согласна с любым их решением.

Вот так.

– Бедная девочка, – прошептала мадам Оли, утирая кончик носа о ворот своего халата. – Молодость идет в один шаг с глупостью! Но вы-то! – Тут она ткнула пальцем в Ллойда. – Не совестно вам? Неужто так и бросите её на растерзание людям?!

– Горожане! – покачал головой отец Хонж. – Приезжают, сорят деньгами, сыпят комплиментами, а потом сбегают, оставив девок с дитем в подоле!

– Столичный хлыщ! – снова подали голос от входа.

– И колечко как быстро припрятал, – буркнул Борк. – Чтобы передумать не успела.

И без того мрачное лицо Ллойда исказилось недовольной гримасой. Крупный, слегка выдающийся вперед подбородок, увенчанный посередине ямочкой, вздернулся, характеризуя своего хозяина как человека не такого уж и покладистого.

Прищуриив глаза, он осмотрел толпу, и по мере движения его взгляда люди замолкали, словно придавленные более весомым мнением.

– Значит, вы настоятельно рекомендуете ей, – на меня ткнули длинным указательным пальцем, – выйти замуж за дарга? А мне, дворянину с сильнейшим магическим потенциалом, жениться на безродной девушке из местных и увезти ее в столицу, дабы она прославляла ваше славное селение на балах и простых посиделках? Так?

– Так, – упрямо кивнула мадам Ятски, тут же отступив под давлением нацеленного на нее взгляда.

На сеновале повисла звенящая тишина. Я задумчиво посмотрела на выход. Сегодня с самого утра мои мысли качало, как лодку на волнах во время шторма. И приспичило вот срочно соблазнять Марка Винчерта, вызвав его именно на сеновал. В итоге один “жених” сбежал, а второй объявился! Но так ли оно мне нужно, это хваленое богатство и свобода от маминого покровительства? Ведь и без того неплохо жилось! Словно попутал нечистый...

Эх, только бы выпутаться теперь из ситуации с минимальными потерями.

– И много ли у Софи достоинств? – нарушил молчание Ллойд, по-прежнему не глядя на меня, но гипнотизируя горожан.

– Она красивая, – уверенно сказал Борк, подмигнув мне.

– Красавиц и в Ривинхейме полно. Еще? – подбодрил

Ллойд толпу.

– Руки у нее откуда надо растут! – еще немного помог Дилан, накручивая на указательном пальце мой чулок. – Шить матери помогает.

– У меня в столице личный портной. Ещё?

– Способная к учёбе, – как-то слишком тихо и неуверенно подал голос отец Хонж.

Я отвела глаза, вспоминая, как уснула на последнем занятии в воскресной школе. Стоя. Во время пения хора...

– И в каких предметах особенно преуспела? – заинтересовался мой жених, громко недоверчиво хмыкнув.

– Ну, – отец Хонж возвёл очи к потолку, – дайте подумать...

– Понятно. – Ллойд обернулся, и наши взгляды встретились. Я улыбнулась, демонстрируя два ряда ровных белых зубов – чем не достоинство? Аж скулы свело от усердия. – Что скажете, Софи? Есть в вас что-то помимо указанного ранее? Что-то, отчего я забуду про свою родословную, наплюю на традиции и желание семьи и заберу вас с собой в качестве жены? Жены, Софи. Вместе до конца.

– До какого конца? – растерялась я, все сильнее сомневаясь в том, что хочу замуж.

– До быстрого, надеюсь. Раз – и все. Не хотелось бы годами мучиться от подагры или артрита, – с огромным удовольствием пояснил Ллойд.

– Ох, – выдохнула, отступая. Что-то ночь совсем переста-

ла быть томной.

– Ну как? Идем в церковь? – В голосе столичного хлыща скользнула насмешка.

– А как же мои достоинства? – опешила я. – Вам же не хватило...

– Я неприхотлив! – Глаза жениха очень странно блеснули в сумраке помещения, а улыбка, появившаяся на лице, почему-то придала ему зловещий вид.

– Ну вот и славно! – Отец Хонж, обогнув Ллойда по дуге, осветил моё лицо собственным факелом, едва не лишив ресниц и бровей. – Ты счастлива, дочь моя? Ну конечно, счастлива! Ведите её в церковь! Идемте, идемте!

Я так и не поняла, кто спровоцировал свадьбу и чей план воплотился в жизнь.

Подхватив меня под белые ручки, мадам Ятски и мадам Ферг что-то зашебетали, а Борк ринулся расчищать путь от зевак-свидетелей, коих оказалось теперь гораздо больше прежнего.

В связи с тем, что дело происходило уже глубокой ночью, я пребывала в состоянии глубокой задумчивости. Сонном, растерянном и взвинченном одновременно. С моей судьбой вот-вот должны были произойти некие разительные перемены, при мысли о которых нервно зудел затылок.

Брак на всю жизнь.

Меня вели в церковь, выдавать замуж. А я впала в сонный ступор, отчаянно пытаюсь сообразить: хорошо это или пло-

хо? С одной стороны – хорошо, ведь жених богат, не уродлив и имеет привычку поддаваться жалости. С другой стороны – он странно улыбается, и я ничего о нем не знаю, кроме статуса. А замуж нужно идти до конца жизни. Его или моей.

Тут, признаюсь, вспомнила о дядюшке Вельдеяре, хранителе ядов... Первой умирать отчаянно не хотелось.

Скосив глаза в сторону, бегло осмотрела моложавую фигуру Ллойда при свете луны, пригляделась к совершенно спокойному, сильно заросшему лицу, к вороту белой, но явно несвежей рубахи и, задержавшись на нагрудном кармане, где хранилось дорогое колечко, подумала вдруг, что у него должна быть веская причина, чтобы вот так брать в жены кого попало. Ну я-то всем хороша, как ни крути, но дарг точно мог бы найти более подходящую партию.

Вспомнилось его разбитое сердце... Ну конечно! Мог и, скорее всего, нашел. Но она отказала. Поэтому ему плевать, на ком жениться, – он, видите ли, несчастен и все такое...

А мне все равно, кто оплатит мои расходы на дорогу до столицы и на дорогих модисток. Потом разузнаю, что там и как, намекну, что согласна на развод за хорошие отступные и... Заживу!

На губах против воли заиграла довольная улыбка. Теперь, когда я разложила все по полочкам, на душе стало гораздо легче. Мама, конечно, узнав о моей выходке, немного рассердится. Или много. Может быть, даже придется скрывать свое местонахождение какое-то время... Зато потом она

непрерывно признает, что я была права, решив сделать подобный шаг. Со временем заберу ее в столицу, откроем там несколько новых ателье... Жизнь забудет ключом!

– Сюда поставьте! – громкий голос отца Хонжа вырвал меня из мира грез. Только тут я поняла, что мы уже ступили в церковь, а несколько неизвестно откуда взявшихся ребяташек споро поджигали свечи, укрепленные в канделябрах по периметру помещения.

Напротив святого отца установили переносную тумбу, из которой он вынул рушник, расшитый самым простым рисунком, и две свечи.

– Подводите молодых ближе! – скомандовала мадам Ятски, и меня тут же подтолкнули вперед. По позвонку пробежал холодок, отчего я нервно передернула плечами. Сегодня это чувство, будто кто-то смотрит в спину и незримо присутствует рядом, увеличилось втрое, отчего я даже подумывала: не поговорить ли с отцом Хонжем? Нечисти в наших краях давно не водилось, но кто знает?..

Сделав пару неуверенных шагов, обернулась на жениха и попала в плен его глаз. Он больше не улыбался. Смотрел странно, без тени иронии. Хмурился.

– Массир Ллойд, – позвала я, – мне бы хотелось поговорить, прежде чем...

– Чем вы поклянетесь мне в верности и любви до гроба? – язвительно отозвался он.

– Между прочим, и вы тоже принесете клятву, – момен-

тально распалаясь, ответила жениху.

Он снова нехорошо улыбнулся. От хорошей улыбки не хочется отшатнуться, а от этой хотелось.

– Мужская клятва отличается от женской, милая Софи, лучшая ученица, – голос Ллойда сочился ядом. – От меня не потребуют столь разительных перемен в жизни.

Это он намекает, что не собирается меня любить и хранить верность?

Теперь улыбнулась я.

– Как говорит моя тётка, многоуважаемый массир, в голодный год люди последним куском хлеба друг с другом делились, а уж мужчиной поделиться со страждущей – сам бог велел.

Отец Хонж громко закашлялся и, выпучив глаза, подал сигнал мадам Оли. Та подхватила ошарашенного жениха под локоть и буквально оттащила к тумбе, приборматывая:

– Свечку возьмите в правую руку, массир дарг. А левой за лик держитесь. Дайте массиру лик в руки. И рушник постелите им под ноги! Софи, ты тоже держи со своей стороны икону. Продолжайте, отец!

Меня поставили рядом с женихом, сунув в правую руку икону, а в левую зажженную свечу.

– Назовите свои имена, данные вам при рождении.

– Джеймс Лэгмэн Ллойд, – проговорил мой будущий муж, шумно сопя и бросая на меня взгляд, полный невысказанных сомнений.

– Софи Эстерхаун, – вторила ему я. Не сдаваться же первой?

– Чудно! Будем считать, что обряд обручения состоялся по всем правилам. Тем более свидетелей на сеновале было более чем достаточно, – тихо молвил отец Хонж, после чего улыбнулся нам и запел молитву на древнем языке. В это время мне на голову и плечи кто-то накинул шерстяную шаль. Только хотела поблагодарить за заботу, как услышала тихое:

– Хоть грудь прикрыла ей, а то совсем срам в таком виде венчаться.

Жених посмотрел мне в глаза, на шаль и снова в глаза. Ухмыльнулся и встал поудобнее. Похоже, он передумал передумывать! Еще миг, и Джеймс прикрыл глаза, точно дремать собрался, как я это обычно на воскресных молитвах делала. А я нервно сглотнула и вновь почувствовала непреодолимое желание бежать. Что-то неправильное было в этой свадьбе, в моем поступке, в согласии жениха... Да, я всегда славилась упрямством и желанием своевольничать, но чтобы вот так? Это впервые. Что же мы делаем? Покосилась на Ллойда, тот голову набок склонил. Точно спит! Собралась было возмутиться, но не успела.

– Является ли ваше желание стать мужем и женой добровольным? – выдернул меня из вялых размышлений о будущем отец Хонж.

И снова, в тысячный раз, по спине холодок. А после необъяснимая уверенность в себе и в том, что делаю, застав-

ляет идти до конца.

– Да, – как можно безразличней пожала плечами и с надеждой уставилась на жениха.

Хоть бы он одумался!

– Да, – почесав подбородок, буркнул Ллойд. Зевнув, еще и вздохнул. – Пожалуй.

– Есть ли некие препятствия, что не могут позволить мне совершить обряд венчания над этими людьми?

Кто-то позади всхрипнул. Леди Оли чихнула. Ятски пожелала ей умолкнуть и не мешать церемонии.

– Прекрасно! Решили, кто станет поручителями этого союза?

Рядом со мной нарисовалась мадам Ферг. К жениху подошел Борк. Они взяли в руки венцы, поданные мальчиком-помощником, и подняли их над нашими головами. Отец Хонж снова запел. Его голос убаюкивал, отдаваясь эхом под сводами церкви и в моей душе.

Или это мой беззвучный вой разносился в голове?

– Не просто ритуал, но обряд, несущий огромное значение и дающий силу, благодаря которой супруги сохранят свой союз даже в водовороте самых трудных испытаний... – слышала я, чувствуя, как начинаю дрожать, но не от холода.

Нервно взглянув на мадам Оли, почувствовала, как остатки спокойствия улечиваются, а страх перед будущим зарождается, становясь крепче с каждым мигом. Да, я никогда не была истовой прихожанкой, но это не отменяло наличия

веры. И, дав сегодня клятву, я не смогу ее нарушить. Никогда.

– Знаете ли вы слова клятвы, дети мои? – словно услышав мои мысли, спросил отец Хонж. – Помните ли их? Принимаете ли эти слова, как свои? Да или нет?

“Высший не даст добро на неугодный ему союз”, – пронеслось в голове, и стало легче. Правда же, не даст!

– Да, – в один голос ответили мы с Ллойдом, тут же переглянувшись. Он выглядел задумчиво-отстраненным. Я тоже уверенностью не отличалась.

– Наденьте на брачующихся венки, – огласил церковь отец Хонж.

Поверх шали опустилось нечто колючее.

– Как венки? – непонимающе моргнул Ллойд. – Мы ведь клятвы не произнесли.

– Я немного упростил ритуал, дети мои! – радостно оповестил отец Хонж. – Ночь берет свое, и все мы устали. Но не волнуйтесь, силы от этого он не утратит. Во веки веков. Объявляю вас мужем и женой! Да будет ваш союз благословенен!

– Как? – совсем обалдела я. – Разве можно ускорять все эти... эти...

– Основные правила ритуала соблюдены, – отмахнулся отец Хонж. – И брачный рисунок на ваших запястьях – тому подтверждение! Союз одобрен! Но кольцо вы все равно жене отдайте, массир Ллойд. Оно теперь по праву принадлежит

Софи.

Глава 2

как Джеймс, наконец, протрезвел

В тот момент, когда отец Хонж во всеуслышание разрешил поцеловать нареченную (а по факту обреченную), что-то произошло. Руки обожгло, и я дернулся от боли. Тогда-то магический хмель неожиданным образом выветрился из моего замутненного сознания. Пить три дня, мешая эль с ромом и настойками от боли, – не самая лучшая идея. Особенно для мага. Особенно если ни с того, ни с сего решаешь усилить эффект заклинанием. Но до появления брачного рисунка на запястье меня это ни капли не тревожило.

Пока не женился на случайной девице, едва не отдавшей Марку Винчерту на сеновале.

– Массир, – обратился ко мне местный работяга, – колечко-то жене отдайте.

– Что? – Резко обернувшись, взглянул на говорившего. Тот отшатнулся и спрятался за бледную светловолосую девицу с огромными перепуганными глазами. За мою жену, собственно.

Туман окончательно ушел из головы, и мысли медленно, очень медленно стали приходить в порядок, раскладывая по полочкам события произошедшего.

Взгляд метнулся к ней. К той, с кем предстояло коротать остаток жизни. Очень короткой жизни, надеюсь. Первым по-

током пришло облегчение. Не страшная. Конечно, не в моем вкусе, но и уродиной не назвать. Чуть выше среднего роста, стройная, пышногрудая, с маленьким, чуть вздернутым носиком и пухлыми губами. Остальное, в принципе, неважно. Пока будем в столице, мама ее переоденет, подберет прическу, манерам кое-каким обучит, если это вообще возможно. Может быть, даже разок на прогулку выведет, людям показать. Если успеет.

Возможно, даже *до нее* слухи дойдут... Впрочем, уже неважно.

В свете новых событий, случившихся в жизни совсем недавно, вообще важного не осталось. Поэтому я и топил сознание в настойках, отягощая их магическим эффектом.

– Как тебя зовут? – спросил у девицы, слушая свой осипший голос будто со стороны. Простудился, видимо.

– Софи, – неуверенно ответила она. Сомневалась, что правильно собственное имя знает или что замужем будет хорошо?

– Джеймс, – кивнув, вынул кольцо из кармана жилета и, не глядя, сунул ей в руки. – Ну, будем знакомы, дорогая. Наденешь сама.

Отец Хонж нервно кашлянул из-за тумбы.

– А всё ли с вами в порядке, сын мой? – уточнил он, видимо запоздало разглядев, что со мной что-то не так.

– Более чем, – успокоил его я, растирая лицо ладонями, стараясь прогнать из головы остаток спасительного дурмана.

– Сомнительно.

– Раньше сомневаться надо было, – ответил, тряхнув головой. – Ну, раз уж вы нас повенчали, как положено, то и документы подпишите. Чтоб все по закону.

С этими словами сунул отцу Хонжу мятое “письмо счастья”, хранившееся сложенным как попало во внутреннем кармане жилета.

Женушка заинтересованно вытянула шею, но разглядеть ничего не успела. Побледневший батюшка схватил письмо, поднес к свече и, пробежав глазами по буквам, слегка задержался на королевской печати. Громко сглотнув, приписал под моим именем имя супруги, шепнул что-то. Новая надпись засветилась красным, вспыхнула на миг и снова стала обычной, ничем не выделяясь на общем фоне.

Теперь в королевской канцелярии узнают, что массир Джеймс Лэгмэн Ллойд женился и распоряжаться его судьбой стоит более осторожно. При последней мысли я поджал губы, осознавая, что немного улучшил свои условия этой скоропостижной свадьбой. А вот девушку ждёт большой сюрприз.

– Что там?! – гневно спросила она, не выдержав.

– Софи, – заблеял отец Хонж, возвращая мне письмо слегка дрожащей рукой, – твой супруг... он...

– Я – лекарь, – вмешался, не желая тратить время на истерики. – Потомственный маг. Дипломированный. Был лучшим на своем потоке.

Самое интересное умолчал, с любопытством глядя в огромные глаза новоявленной женоушки. Она, как и думал, не поняла подвоха. Хотя знает ведь, что на западе война и идут официальные сборы всего населения страны. Что уж говорить про медиков? Нас отправляют на фронт в первую очередь...

– А что за бумага-то? – продолжила допытываться раздраженно.

– Уведомление, – пролепетал отец Хонж, пряча глаза. – Мы сообщили в главную канцелярию Ривинхейма о свершении важного события в жизни массира Ллойда. О вашем бракосочетании.

Софи всё еще не понимала, что именно ей недоговаривают, и ждала продолжения разговора.

– Это ведь хорошо, что лекарь? – подбодрила она нас.

– Замечательно! – радостно оскалился я.

– Т-так вышло, – аккуратно заключил Хонж. – И, как говорится, совет да любовь! Пора бы и по домам разойтись – ночь на дворе.

Ещё минуту назад он наверняка считал, будто совершил благое дело: выдал местную бедовую девицу за богатого идиота. Обхитрил дарга! Только вот бумага, в которой черным по белому было написано распоряжение короля о призыве на службу, вернула отца Хонда с небес на грешную землю. Я – лекарь. Лучший из выпускников своего года. Но кто же знал, что честолюбие сыграет со мной столь злую шутку?

Не успели мы отпраздновать окончание университета, как грянула война. Для обывателей столицы и близлежащих городов это слово пока мало значило, но западные земли уже обагрились первой кровью. Призыв на службу был внезапен. Нет, не так. Он шокировал. Он разрушил мою жизнь.

И, словно издеваясь, канцлер Моери сообщил мне, вручая уведомление, заверенное подписью Его Величества, что призывают лишь лучших. Да, бессрочно. Ибо мы все должны служить Родине, ведь дар наш обязывает... Много к чему обязывает. Но лекарям, окончившим учебу в последние три года, дана поблажка: они не будут служить на передовых позициях! А уж если успели обзавестись семьей, то жены обязаны ехать с ними, чтобы разделить все тяготы, как и положено.

И вот последний пункт добил меня окончательно.

Я выходил из канцелярии раздавленным, но не потерявшим надежды. Моя ненаглядная Элиза ждала в парке вместе со своей компаньонкой. Стоило увидеть её, как решил, что дела мои не так плохи: вместе мы преодолеем всё! Только вот она так не думала.

Выслушав меня, Элиза изменилась в лице, словно бы повзрослев на несколько лет разом: прежде невинный взгляд стал пристальным и холодным, манящие губы цвета спелой вишни капризно искривились, исчез с щек мягкий румянец...

– Хотите забрать меня на войну, Джеймс? – с новыми

стальными нотками в голосе спросила моя возлюбленная. – В нищету и голод? По-вашему, там мне место?

– Элиза! – я не говорил, а молил её всем своим видом. – Никто не отправит нас на передовую! Мы будем жить где-то поодаль, и ваша жизнь не так уж изменится. Я сделаю всё...

– Ах, оставьте! – Она отступила и жестом позвала отошедшую к озеру компаньонку: – Марта! Куда ты запропастилась! Неужели я должна напоминать тебе о правилах хорошего тона? Незамужняя мисси наедине с массиром Ллойдом. Пристойно ли это?

– Я же, так вы же... – залепетала ничего не понимающая дама, беспомощно глядя то на меня, то на хозяйку. – Ваш жених...

– Да! – прервала ее Элиза. – В этом ты права, в обществе многие считают, что мы с Джеймсом вот-вот поженимся. Однако в свете новых обстоятельств...

Она стрельнула глазами в мою сторону и, набрав побольше воздуха в лёгкие, громко выдохнула, одновременно стягивая с руки, одетой в белую перчатку, кольцо. То самое, что приняла от меня тремя месяцами раньше.

– Я больше не могу носить это. И с вашей стороны было бесчестным дарить его мне. Боже, что теперь будут говорить люди?

Тогда я ещё не понимал, не верил в то, что происходило. Но она уже всё решила. Моя Элиза...

– Джеймс, только не нужно так на меня смотреть. Вы ведь

понимаете, что мне нужно всё обдумать? Поговорить с отцом, да и просто прийти в себя. Вы ошеломили меня.

– Я понимаю! И дам вам столько времени, сколько потребуется! Оставьте кольцо...

– Нет! – Она едва не швырнула его мне в руки. Словно украшение внезапно стало проклятым и могло причинить ей вред одним нахождением в ее руках с тонкими длинными пальчиками. – Заберите. И до скорой встречи. Холодает, правда, Марта?

– Так и есть, мисси, – закивала ее компаньонка, пряча от меня взгляд. – Не стоит вам мёрзнуть с вашей-то чувствительностью к погодным условиям.

– Ты права, как всегда, – отозвалась Элиза и, уже отворачиваясь, попрощалась со мной, произнеся всего три слова: – До свидания, массир.

Не Джеймс. Больше она ни разу не назвала меня по имени. А спустя неделю я узнал, что отец отправил Элизу отдыхать на горячие источники, ведь она очень переживала из-за вынужденного разрыва помолвки.

– Господин Ллойд, – новоявленная супруга с силой дернула манжету моего рукава, – с вами точно всё в порядке?

С трудом возвращаясь из воспоминаний, я сконцентрировал взгляд на милой светловолосой девице, собирая в кучу мысли, так и норовившие разбежаться в стороны. Итак, еще вчера я хотел погибнуть, а сегодня женился! Прелесть какая...

– Дорогая... – с пафосом начал я и тут же осекся, позабыв имя той, с кем надлежало жить до самой кончины. Благо война быстро расставит всё на свои места, глядишь, и мучиться ей долго не придется.

– Софи, – заботливо подсказал отец Хонж, проскальзывая мимо вместе с переносной тумбой.

– Угу, – потеряв лоб, задумчиво взглянул на недовольный прищур девицы и забыл, о чем хотел сказать. Из груди вырвался печальный вздох. Взял супругу за руку и слегка покрутил тыльную сторону ладони, посмотрел на отблеск камешка в обручальном кольце. Красиво. Нахмурившись, припомнил ту, кому украшение предназначалось. Элиза...

Кто-то закашлялся, и я вздрогнул.

– Что ж, думаю, мы поладим, – проговорил тихо, все еще удерживая в своей руке длинные тонкие пальцы.

– Простите, дети мои, но церковь нужно запереть, – уже от двери окликнул нас отец Хонж. – Ещё раз поздравляю!

Я сжал зубы крепче, кивнул.

Последние свечи были погашены мальчишками, и Софи, забрав свою руку из моей, блеснула глазами в темноте, как кошка. Я мотнул головой, присмотрелся, но она уже отвернулась. Подняв руку, споро перекрестился, решив заканчивать с утоплением горя в крепких напитках, и последовал за женой, чувствуя при этом жуткую жажду и, совсем немного, вину.

– Ну, будьте благословенны, дети, – напоследок сказал

отец Хонж, после чего засеменял в сторону старых, но крепких домов. За ним последовала притихшая, постоянно зевающая толпа горожан, навязавших нам с Софи Эстерхаун сей скоропалительный брак.

Я стоял, глядя на несколько десятков удаляющихся спин, и никак не мог понять, что все произошедшее этой ночью – реальность.

– Вот так ночь, – тихо проговорила моя супруга.

Обернувшись, посмотрел на девицу. Она стояла, обняв себя за плечи, и тряслась всем телом, даже зубы иногда клацали, я слышал их стук.

Устало вздохнув, я стащил с себя пиджак, передал ей и сообщил:

– Уже завтра мне, а теперь и тебе, надлежит отправляться в Ривенхейм. Можно было бы отправиться прямо сейчас, раз нас ничто не держит, но вряд ли мы найдем извозчика в этот час. Да и отдохнуть перед дорогой не помешает, я не спал, кажется, целую вечность.

– Что же вы делали? – пролепетала Софи удивленно.

– Пил.

– Пил? – повторила она, щурясь. Еще несколько минут женушка рассматривала меня так, словно только что впервые увидела, затем запахнула мой пиджак поплотнее и заговорила громче, с яростными нотками в голосе: – Вы сказали “Пил”?! И сегодня?!

– Сегодня тоже, но не спиртное. Это был напиток несколь-

ко иного свойства... А что тебя смущает?

– Вы серьезно?!

– Абсолютно.

– Вы женились на мне, будучи в дурмане! – выпалила Софи и тут же перепуганно заозиралась, прикрыв ладошкой рот.

Я засмеялся.

– Поздно переживать по этому поводу, – шепнул ей доверительно. – Боги одобрили наш союз, а значит, их все устроило.

– Но это неправильно, – топнула ногой Софи, – вы не должны были вести меня к алтарю в таком виде!

– Я вообще ничего не должен был! Ни тебе, ни всем тем идиотам, что потащили нас в храм, – ответил зло. – Но так уж вышло, что на жизнь мне плевать, а афера подобного рода даже веселит. Только будет ли весело тебе? Вот вопрос, с которым стоит сегодня засыпать, милая девушка!

Хотел сказать еще кое-что: про ее аморальное поведение, про недостойные планы в отношении благородного массажа, про супружество, которое совсем не обещает стать сказкой... Только взгляд уперся в ее губы. Синеватые от холода.

Нахмурившись, решил отложить назидательную речь до лучших времен, и даже злость улетучилась сама собой.

– Идем к тебе в дом! – примирительно выдал я. – Собрешь вещи, напишешь письмо с объяснениями матери и уложишь меня в постель. Да не трясись ты так! Тебя в постели

не жду. А вот от бутылки рома или эля не откажусь.

– Мы такого в доме не держим! А трясет меня от холода, а не от возможной близости с вами! Чему быть – того не миновать, и я от своих обязательств не отказываюсь! – Задрав подбородок, Софи ринулась прочь. Гордая и непреклонная.

А я только головой покачал, глядя, как она нервно комкает в пальчиках лацканы моего пиджака. Острый язык новоявленной супруги – ужасный недостаток, и с ним нужно будет что-то делать, иначе мы и до фронта не дотянем. Вернее, не дотяну я. Придется погибнуть на дуэли, отстаивая честь этой... Поморщившись, решил не искать определения.

Успокаивало то, что брачные рисунки не появились бы на наших руках, не будь Софи невинной и непорочной девицей. Хотя это и стало для меня полной неожиданностью. Вспомнить хотя бы, как кто-то из горожан крутил ее чулок, найденный на сеновале... Воплощение непорочности, угу.

Как же меня угораздило ввязаться во все это?! Да, переборщил с дурманом, желая облегчить душевные муки...

Но дело сделано, и мы теперь женаты. Пусть так.

Дом семьи Эстерхаун находился на отшибе и оказался добротным снаружи и уютным внутри, что стало, пожалуй, первым приятным исключением за ночь. Мягкая мебель была обита дорогим сукном, тяжелые гардины подобраны со знанием дела, полы и стены отделаны качественно и явно недавно обновлялись.

– А у вас неплохо, – похвалил я жену, оглядываясь по сто-

ронам и одновременно снимая сапоги. – И на магическую защиту не поскупились. Я почувствовал охранку.

– Видно, прогадали! – огрызнулась Софи. – Она чужаков без приглашения пропускать не должна.

Я пристально посмотрел на нее и объяснил, как неразумному ребенку:

– Мы теперь не чужие. – Подавляя рвущееся наружу раздражение и продвигаясь следом за супругой в гостиную, добавил: – Больше скажу: по закону именно я теперь глава нашей маленькой семьи, дорогая. Так что не забывайся.

Софи поморщилась, но героически промолчала, хотя очередная колкость явно уже болталась на ее длинном языке.

И на том спасибо.

– Ну так что, напоишь меня чем-то горячительным? Или мне голодным спать идти? – Туман и вязкость насовсем ушли из головы, отчего на освободившееся место лезла всякая дрянь. Невольно думалось о том, как явлюсь с женой в имение, как “обрадуются” мать с отцом, как быстро пролетит отведенное для сборов на войну время... И ещё перед глазами замаячил образ Элизы. Воспоминания о ней все еще причиняли боль. Хотелось не то напиться, не то выплеснуть на кого-то накопившуюся злость.

А рядом была только Софи.

– Налью! – донеслось из соседней комнаты. – Присаживайтесь, супруг дорогой. Сейчас принесу вам... погорячее.

– Так бы сразу. – Благосклонно кивнув, я упал на мяг-

кий диван и, откинув голову, прикрыл глаза. Желание было лишь одно: отсрочить еще немного день, когда придётся вновь становиться ответственным и серьезным массиром, старшим сыном и наследником Дэниела Ллойда, лекарем на службе Его Величества. Тогда же нужно будет задуматься над своим поведением, найти оправдание поступкам и искать способы решения многочисленных проблем, от которых я позорно бежал на доньшко бутылки.

– А вот и я, – слишком радостно сообщила Софи, появляясь в дверях с подносом. – Не спите ещё?

И голос такой нежный, елейный. Я, если и начал дремать, проснулся окончательно, сразу перебирая в голове все варианты того, что она могла подлить в заветную бутылку. От настойки для расстройства желудка до яда. Проверив магический резерв, уселся поудобней и замер в ожидании. Да так и обалдел, разглядывая содержимое подноса, бережно поставленного на столик передо мной.

– Что это? – спросил, хмурясь.

– Иван-чай. Горяченький, – мило улыбнулась супруга. – Я и себе налила. Тоже, знаете ли, замерзла.

Сказав последние слова, она присела рядом, взяла одну из чашек и, жмурясь, отпила едва ли не треть кружки. При этом Софи умудрялась ухмыляться и щурить глаза, словно кошка, сумевшая сделать мелкую пакость хозяину.

– Я просил не чай, – вздохнув, все-таки озвучил то, что она так жаждала услышать.

– Нет? – Её глаза озорно блеснули, с легкостью выдавая своенравие девицы. – А что же тогда?

– Ром.

– Но я ведь говорила, мы подобного не держим. Как жаль, что вам не нравится чай. Я очень старалась вам угодить!

Разглядывая довольную Софи, я вдруг задумался, сколько ей лет. Совсем еще молодая... Глупая. Я и сам был далеко не стар, но жизнь в столице приучила к гораздо более злым шуткам. А ведь этой дурочке предстояло еще и на людях появиться. Вместе со мной.

Застонав в голос, прикрыл рукой глаза.

Хмель ушел из организма, бросив меня на произвол судьбы. И теперь, судя по всему, случая забыться снова мне не представится минимум до утра. Да и тогда придется откататься от загулов – пришло время возвращаться в Ривенхейм. И ехать придется не одному.

Вздохнув, посмотрел на Софи, словно бы ненароком проводя рукой над своей чашкой с чаем. Ничего – ни яда, ни другой, более безобидной пакости. Значит, она и правда так радовалась мелкой шалости, а не большой подлости. Баловство, да и только.

Нахмурившись, я вдруг осознал, что не знаю о супруге ровным счетом ничего. Помню, Марк упоминал её, ругался, что никак не затащит в койку. Но теперь знаю, что ломалась она лишь для того, чтобы отдаться ему в нужное время. Ещё отец Хонж что-то говорил. Ах да, отличная ученица.

Она ещё взгляд прятала. Выходит, и это, скорее всего, ложь. Кто-то из толпы кричал, что воспитывает Софи лишь мать. И что мать её нагуляла. Вот и все знания. Прекрасные рекомендации для девицы, ничего не скажешь.

– Вам нехорошо, господин Ллойд? Вы побледнели...

Я обернулся. У молодой супруги был взволнованный вид.

– Это меня счастьем накрыло, – проговорил в ответ, делая глоток чая и перекатывая его на языке. Успокоительная настойка. Вот что она добавила в чашку. Причем неслабая доза – усну крепко, до самого утра. Значит, решила усыпить меня? Что ж, пожалуй, на это я пойду с удовольствием.

Супруга жадно смотрела, как я пью чай, с огромным трудом пряча торжественную улыбку. Но уголки ее губ то и дело подрагивали.

Привыкнуть к новому статусу не получалось, а происходящее казалось дурным сном. В самом деле, разве мог дарг моего положения жениться вот так? Попасть в сети провинциальной авантюристки... Люди меня просто засмеют.

Да что там, я бы и сам умер от смеха, расскажи кто про такого идиота.

Что вообще меня заставило проснуться и покинуть номер? Не иначе как нечистая дернула выйти проветрить пропитанные хмелем мозги.

Взглянув на чересчур счастливую Софи, решил тоже сделать ей сюрприз – ответный привет, так сказать. Чуть дернув рукой, пролил немного чая на брюки.

– Как неловко вышло! – сокрушаясь, покачал головой и попросил у девушки: – Подай мне салфетку, будь добра?

Она поставила свою чашку и отошла к большому деревянному сундуку. Мне хватило этого времени, чтобы прочитать маленькое заклинание над ее напитком.

Софи вернулась, протянув мне чистое кухонное полотенце. Кивнув, я принялся промокать пятно на брюках и, дождавшись, пока она сделает пару глотков, заговорил:

– Где твоя мать? – спросил у девицы, лишь бы отвлечься от самоедства.

Она ответила не сразу.

Вернув чашку на поднос, поднялась и отошла на несколько шагов, после чего, сцепив руки в замок, наконец сообщила:

– Уехала по делам. У неё своя лавка с тканями. Да и шьет иногда на заказ. Повезла товар на продажу.

– Сама уехала? А отец? – я помнил слова толпы о том, что отца нет, но решил выяснить, чем и с кем жила новоиспеченная женушка. Тем более заклинание правды уже начало действовать, и теперь ее наверняка распирало от желания рассказать о себе все.

Софи отвернулась, подошла к столу, стряхнула с него несуществующие крошки и заговорила громче необходимого, словно бросая вызов:

– Одни мы. И она не обрадуется нашему браку, как не обрадуются ему, думаю, и ваши родители. Только я устала в

этом городе. Он мне жмет, как те красные туфли, из которых я давно выросла! А мама... она любит, но не понимает. Не отпускает от себя...

– Теперь отпустит, – хмыкнул я понимающе.

Ой, дура...

– Да! Теперь у неё нет выбора! – Софи вскинула подбородок, собиралась, видимо, еще чем-то бравировать, но, встретившись взглядом, стушеввалась. Отвернулась, уставилась на стену перед собой, добавила тихо: – Вы не понимаете. У меня выбора не было... Мама – она такая... Ее бабушка на учебу в свое время отправила. Далеко отсюда, в Университет Кавергарда. Денег накопила, дала с собой. И талант у мамы был. Думали, профессию получит, жизнь сложится. А мама беременная мною через полгода вернулась. Убрать меня отказалась и никому не сказала, кто отец.

– Может, просто не знает, – заметил я, пожимая плечами. – Обычное дело – провинциалка оказывается далеко от дома, вокруг толпы красавцев. Как тут устоять? Даже на самую неказистую девицу пара-тройка желающих найдется.

Софи крепко сцепила зубы. Я видел, как проявились на скулах желваки. Но, к моему удивлению, сцен и нападок не последовало. Она лишь пожала плечами и заявила:

– Люди тоже так говорят. Что мама просто не знает. А впрочем, мне плевать. Как бы ни было.

И по всему я понял: ей не было плевать. Ни на мнение людей, ни на молчание матери.

Но вслух свои мысли я не озвучил. Допив напиток, просто вернул чашку на поднос и улегся на диван, подложив под голову несколько маленьких, красиво вышитых подушек.

– Вы спать будете? – голос Софи был тихим, в нем даже прорезалась совершенно непривычная робость.

– Хотелось бы, – ответил ей, прикрывая глаза. – Меня сморило что-то. Скоро нам отправляться в путь, а я не спал толком... последние трое суток.

– Да-да... – Она замялась, умолкла. Послышался шорох, скрип дверцы и шелест тканей. Похоже, она искала, что взять в дорогу. Спустя минуту я буквально почувствовал, что супруга стоит рядом.

– Что еще? – уточнил, открыв один глаз.

– Вот, – ответила она, протягивая мне теплое шерстяное одеяло. – За ночь дом остынет, и будет прохладно. Мы же без магии греем. Печкой.

– Спасибо, – буркнул, укрываясь и отворачиваясь на другой бок. Лишь бы не видеть эту глупую наивную дурочку. Я ведь мог оказаться сволочью и сейчас вытворял бы с ней такое... Неужели она не понимает? Верт знает что! И матери ее высказать пару слов не помешало бы. Если не смогла втолковать собственной дочери, что такое элементарная осторожность, то хоть бы с собой ее брала и присматривала. А теперь мне с ней таскайся, пока не пойму, как развод оформить. Не тащить же ее на войну, в самом деле?! Что же я наделал?..

Нет, это, должно быть, кошмар. Проснусь – и все станет

прежним.

Я почти убедил себя в нереальности произошедшего, но тут же услышал тихое позвякивание посуды.

– Спите-спите, – выпалила Софи в ответ на мой недовольный взгляд, унося поднос с чашками. – Хороших снов.

Дверь в гостиную закрылась, и я упал на спину, закинув обе руки под голову. Уставившись в потолок невидящим взглядом, вспомнил вдруг, как поругался с отцом перед отъездом. Он требовал от меня только одного – достойного поведения.

– Ты – Ллойд! Дарг на службе Его Высочества! Так не смей уподобляться своим друзьям, которых хватает только на бордели и карточные клубы! Хватит жалеть себя, Джеймс, жизнь продолжается!

Но я жалел.

А как иначе, когда ты привык жить по плану? Когда детально расписал каждый пункт, каждый следующий шаг. Учеба, отличная практика, женитьба... И вдруг война, призыв и предательство той, кого считал единственной.

Да, я сорвался. Проиграл кучу денег, пропил их, прогулял с Марком и Ирвином... Уехал с ними Верт знает куда, чтобы продолжать предаваться разврату и унынию. И вот. Женился.

Нервно перевернувшись на бок, закрыл глаза, пытаюсь все-таки уснуть. Но мысли разрывали голову на части.

Чего она ждала от этого брака? Софи Эстерхаун. Навя-

зывая себя в жены Марку Винчерту. Пусть даже не знала, что он обручен... Чего она ждала? Сочувствия? Понимания? Или хотела проникнуть в сердце через постель, сначала пробудив страсть? Бред... Что могла показать невинная девица такого, чего Марк не видел в борделях? Дура.

Думая о Софи, снова почувствовал небывалое раздражение и немного злость. Причем злость на себя... Она ведь даже не знает, с кем связалась и что ее теперь ждет. Если не смогу устроить развод, то дальше война. Я – тот, кто покажет ей самое ужасное, что можно увидеть.

Глупая, глупая дурочка. И я – идиот.

Нужно найти способ и расторгнуть брак с ней, пока не поздно. Вернуть ее матери, велеть запереть на замок и хорошенько наказать за проступок.

В соседней комнате что-то упало, затем послышалась ругань. Софи выражалась не хуже портовых мужиков, и я поморщился, поздравляя себя с “успешной” женитьбой.

– Бросаю пить! И точка, – пообещал вслух, закрывая глаза. И тут же добавил тихо: – Но не сразу. Резко бросать нельзя.

Глава 3

как прекрасна мечта — и ужасно воплощение

Я почти не спала в эту ночь.

Да и как тут уснуть, когда такое в жизни приключилось?

И как только угораздило?!

Все началось перед маминым отъездом: я снова просилась взять меня с собой, на этот раз настаивая сильнее прежнего.

Мир ждал меня, манил! Но мама не понимала. Она отказывала раз за разом. Вспоминала то, как уехала однажды сама, и запрещала даже думать о столице и других городах.

– Там слишком опасно, а здесь ты дома. И на этом закончим, – сказала она, отворачиваясь. Будто точку в последнем предложении письма поставила.

– Ты не можешь держать меня взаперти всю жизнь! – закричала я, чувствуя отчаяние.

– Могу! – внезапно сказала мама и так на меня посмотрела, что стало очевидно: уговоры бессмысленны, она не отпустит.

Я даже провожать ее не вышла – так обиделась. Сидела в своей комнате и думала-думала... постепенно впадая в тоску. Хотелось одного: бежать прочь, но в нашем Кельхельме меня знала каждая собака, сопровождать никто бы не решился. А одну в дорогу ни один извозчик не взял бы с собой.

От безнадеги хотелось выть, в голову лезли самые бредо-

вые идеи. Я даже вынула мамины украшения, перебирая их и впервые в жизни подумывая о краже... За хорошую плату кто-нибудь, такой как Дилан Пит, мог согласиться провести меня в ближайший город.

И вот за такими негодными мыслями нашла в потайном отделении шкатулки новое украшение. Вернее, наоборот, старое...

Пальцы сами потянулись ко дну, прошлись по бархатному подкладу и наткнулись на небольшое, но ощутимое препятствие. Не знаю, как осмелилась надрезать ткань, ведь понимала, как мама будет злиться за подобное... В небольшой выемке, прикрытой сверху, лежал медальон. Внутри в таких рисовали портреты, но мой не открылся: как я ни старалась, все оказалось напрасным. Еще и порезалась неудачно вдобавок. На серебро крышечки упали несколько капель крови, и медальон потеплел.

В тот же миг за окном раздался гром, и окна распахнулись от сильнейшего ветра... Тогда же я впервые ощутила взгляд, будто кто-то смотрит в спину. Новые впечатления мне не понравились, и я решила срочно замести следы преступления – спрятать находку, устыдившись содеянного, и больше о ней не вспоминать.

Так и поступила.

А на следующий день узнала, что в наш городок прибыли трое столичных хлыщей! От радости у меня рассудок помутился. Это ведь и был мой шанс!

Я познакомилась с Марком Винчертом и упорно строила ему глазки, изредка позволяя себя приобнять. И лишь на третий день шепнула, что готова встретиться и разрешить ему нечто большее.

По моим расчетам, все должно было произойти совсем иначе. Нас застали бы с красавчиком Марком за непристойным занятием. Люди, видя мое раскаяние и страдания, потрясли бы из него клятву о женитьбе. Мы обручились бы прямо при свидетелях и разошлись каждый к себе до утра, чтобы после отбыть в столицу!

Дальше я придумала два варианта развития событий: в первом Марк на мне скоропалительно женился, а во втором откупался от брака. Меня бы устроил второй, и то, и другое, лишь бы сбежать из городка.

План по совращению богатея созрел в голове быстро, потому как задерживаться в нашей глуши массивы не собирались, а мама могла вернуться домой уже через неделю.

И вот, поди ж ты, Марк сбежал, а я едва не оконфузилась при всем честном народе. Хотя теперь, переворачиваясь с боку на бок на мягкой перине, думала, что позор, пожалуй, был не так уж и страшен. Замужество пугало сильнее.

Тряхнув головой, в конце концов вскочила с постели и распахнула окно, чтобы вдохнуть ночной свежести, и тут же закашлялась, получив камешком в лоб.

Борк, втянув голову в плечи, развел руки в стороны и сделал большие глаза. Не ожидал он, что я вылезу именно в тот

момент.

– А где этот-то? – спросил друг тихо, едва шевеля губами.

– Спит, – отмахнулась я, – забирайся скорей.

Он привычно, как делал сотни раз с самого детства, влез в окно и, испуганно озираясь, спросил:

– Ну и? Как оно?

Настала моя очередь разводить руками.

– Как у всех, – ответила глубокомысленно, не представляя, что еще сказать.

Мы посидели с ним еще минуту в тишине, и Борк все-таки не выдержал, уточнил:

– Так ты что, спряталась здесь? Обижал тебя?

– Нет. – Пожав плечами, глазами показала на стену сбоку от нас: – Спит он.

– Уморила? – на лице Борка расплылась глумливая ухмылка.

– Напоила и спать уложила, – поправила его я, отвесив щелбан. – Спать он лег, говорю же. Даже трогать меня не стал.

Помолчали еще немного.

– Так, может, он по другой части? – радостно сообразил друг. – У них в столице другие порядки. Я такое слышал!

– А колечко откуда? – фыркнула я. – Невеста его бросила там.

– Потому и бросила. – Борк вскинул вверх указательный палец и кивнул со знанием дела. – Понятно все.

– Глупости, не похож он на... Ну, на такого, как ты говоришь. Просто брезгует мной. Видел бы ты, как смотрит. Я грязная для него.

– Да вроде не грязная, – нахмурился друг, придирчиво осматривая мое домашнее платье. – Чуть замаралась, так с кем не бывает.

– Ай, – отмахнулась, – столичная ему нужна. Понимаешь? Да это и хорошо. Я уж думала амулет мамин применить, который усыпляет в момент, если полезет ко мне... Только настойки успокоительной хватило, он и не полез. Говорю же, даже смотреть не может – передергивает всего.

Покачав головой, встала и, приблизившись к комоду, сменила почти сгоревшую свечу на новую.

– Это ты напридумывала, Софка. Да, точно, – не унимался рыжий, – я у народа узнал. Пока его друзья к бабам ночью ходили, он спал прямо за столом! К подавальщице, Крине, не приставал. Да и вообще, кроме как к бутылке, никакого интереса не проявлял. И ту бросал, когда пустела.

Эта новость меня несколько приободрила. Историю о невесте я помнила по-прежнему, но, быть может, она действительно должна была стать прикрытием его похождений с мужчинами? Тогда и я прикрывать смогу – хоть всю жизнь!

Вдобавок ко всему Борк рассказал, что Марк и его товарищ уехали из города в большой спешке. Бедняги даже забыли забрать часть задатка, ведь платили за комнаты наперед.

“Бывает же... – подумала я. – А Джеймс еще говорил, что

нам карету не найти. Кто ищет – тот всегда найдет... Или они пешком ушли? Что ж, и этому не удивлюсь, вспоминая, с какой прытью Марк в окно прыгнул, – такому и лошадь не нужна, к утру в столице будет”.

Выгнав Борка спустя час, я еще какое-то время задумчиво смотрела в окно, старательно превозмогая совершенно несвойственные грусть и страх. Однако вид на ночное небо, освещаемое редкими звездами и кусочком луны, едва видневшейся из-за свинцовых туч, действовал от обратного, и жалость к себе лишь возросла в разы.

Что теперь будет? Как мне вести себя там, в незнакомом городе? С незнакомыми людьми... Зачем он женился на мне так поспешно? Почему не откупился? Почему не прошел мимо?.. Зачем я на все это пошла?!

Вопросы терзали разум и душу, не давали найти покоя.

Конечно, я была уверена, что справлюсь. Нет ничего невозможного, и я всё преодолею. А если не преодолею, то сбегу сюда, домой. Мама примет всегда. Прибьет, конечно, но потом наймет темневика, воскресит и снова будем жить-поживать, ругаться-мириться.

Собрав вещи и кое-какие памятные безделушки в большую кожаную сумку для ручной клади, я все-таки легла в постель. Но сон так и не сморил меня. Зато сколько ужасов и глупостей я передумала, прежде чем услышала громкое:

– Софи, дорогая моя жена, подъём!

Супруг был отвратительно бодр и свеж, словно отдыхал

не пару часов, а много месяцев подряд.

Постучав в дверь моей комнаты, к ручке которой я подставила спинку стула, Джеймс развернулся и ушёл нагло хозяйничать в доме. И как бы я ни хотела полежать в постели, нежась в тепле и безопасности, пришлось быстро вставать и надевать верхнее платье.

Он нашелся в кухне. С совершенно невозмутимым видом супруг стоял и доедал остатки пирога, даже не предложив поделиться им со мной.

– Вкусно? – уточнила, приближаясь.

– Очень недурно, – ответил Джеймс, пробегаясь по мне задумчивым взглядом, отчего сказанные слова приобрели нехороший подтекст. Слово бы оценивали не пирог, а меня. Хотя почему же нехороший? Он мой муж и имеет право говорить подобное супруге. Наверное.

– А мне вы что-нибудь оставили? – спросила, стараясь перевести тему разговора и скрыть неловкость.

– Конечно. Я оставил тебе честь заварить нам вчерашней отравы. Чем ты там нас поила?

– Иван-чаем, – буркнула, продолжая сверлить Джеймса Ллойда мрачным взглядом.

– Вот-вот. – Муж как раз окончательно расправился с пирогом. – А пока будешь возиться, я схожу в свой номер и заберу вещи. И на почтовую карету нас запишу. Сама-то собралась?

– Да, – ответила тихо, разом потеряв остатки решимо-

сти. – А может, не стоит спешить?

Он усмехнулся и прошел мимо, к сениям.

– Вы не думайте, я не боюсь! – выпалила зачем-то ему вслед. – Просто...

– Собирайся, Софи, – отозвался супруг. – Поздно уже сомневаться, раньше думать надо было.

И вышел.

А я медленно опустилась на стул, сложила руки перед собой, погладила белоснежную скатерть, вышитую мной в прошлом году... Что же будет дальше? Мама вернется, а меня след простыл. И дом не прогрет. Холодно, одиноко, никто ее не ждет.

Слёзы уже скопились в уголках моих глаз, но я не позволила им пролиться. Вскочив, тряхнула головой, стукнула кулаком по столу и проговорила громко, избавляясь таким образом от страха:

– Не сидеть же здесь вечно?! Не могу я здесь! И вообще, что сделано – то сделано, а я давно говорила, что сбегу, если не пустит!

Кивнув себе, перекинула косу на спину и пошла к матери в спальню. Достала старенький писчий набор и принялась сочинять письмо. Получилось очень даже неплохо, если вкратце: влюбилась, замуж выскочила, уехала. Он замечательный, ни о чем не волнуйся, скоро позовем тебя в гости в столицу.

Как-то так.

Жаль, мама не оценит. В любовь она не верит – сказки, говорит; в замужество тоже не верит – рабством называет; богачей не любит – чопорными снобами их обзывает. И столицу терпеть не может, говорит, что нужно жить там, где родился. Мол, здесь наше место, и нечего смотреть по сторонам.

И переубедить ее невозможно – сколько я пыталась, не сосчитать.

А теперь уже и не придется уговаривать. Понятное дело, позлится немного, а потом поймет. Сама-то она успела мир повидать, а мне даже нос не дает высунуть из городка. Вредительница. Как позову ее потом в Ривенхейм, так она и отстает!

Супруг вернулся очень быстро, я едва успела заварить чай, подобрать волосы наверх и переодеться в дорожное платье. Окинув меня безразличным взглядом, он залпом осушил чашку с напитком и, подхватив собранную мной сумку, отправился к выходу.

– Как, уже? – проговорила я, чувствуя, как нервы снова натягиваются, словно струны от лютни.

– Я жду на улице, Софи, – отозвался муж, покидая дом. Как будто знал, что я немного приотстану.

Осмотрев кухню, тронула кончиками пальцев дубовый стол, улыбнулась портрету бабушки... Опомившись, схватила посуду и перемыла чашки с чайником. И замерла, не в силах уйти из родного дома. Здесь никакая беда мне не

страшна, но хороша ли жизнь, в которой совсем нет неприятностей и риска?

Бабушка, пока была жива, часто уговаривала маму не держать меня за своей спиной. "Безоблачное голубое небо, – говорила она, – радуется лишь тех, кто недавно пережил грозу. Для остальных нет ценности в одной и той же пресной картине. Отпусти её, Аркадия, дай самой сделать выбор, дай набить свои шишки, иначе будет беда".

Но мама не слушала. Она была уверена, что я не осмелюсь пойти против ее воли.

А я осмелилась.

Вздыхнув, еще раз взглянула на портрет, и на этот раз мне показалось, будто бабушка чуть улыбнулась.

– До свидания, – шепнула, делая шаг к выходу. – Я ещё вернусь. Обязательно.

Джеймс Ллойд ждал меня у дороги, мирно беседуя с кучером почтовой кареты. Обернувшись и встретившись со мной взглядом, он махнул рукой, призывая поторопиться. И я, прикрыв калитку, ускорила шаг.

– Из Кельхельма едем лишь мы, – сообщил супруг, как только я подошла ближе, – Марк уехал ночью своим ходом, Ирвин с ним.

– Хорошо, – ответила я, пожимая плечами.

Честно говоря, мне было все равно, кто еще поедет с нами. В душе нарастало странное чувство, не испытываемое никогда раньше. Ни то жуткого волнения, ни то волшебного

предвкушения, ни то страха. В груди ныло, а горло словно легкой судорогой свело. Еще и спину снова жгло от чьего-то взгляда. Обернувшись, никого не увидела, только с неба легкий дождик пошел и упал мне на лоб.

Вяло кивнув кучеру, я приняла руку Джеймса и, опираясь на нее, забралась в карету, испуганно глядя в окно. Сколько раз я представляла себе отъезд из нашего городка! Сколько раз мечтала о нём! И вот он настал.

Но в мечтах у меня не тряслись от волнения руки, я не кусала губы и не хотела броситься назад с криком: “Все отменяется!” Реальность пугала.

Ллойд уселся напротив, тут же откинув голову на спинку сиденья и прикрыв глаза. Он не стремился поговорить и тем более как-то меня успокоить. Но и не насмехался, хотя мог бы...

Карета мягко тронулась, слегка качнувшись вперед. Понюхались понукания кучера, цокот копыт, и сердце мое, на миг замерев, тоже понеслось вскачь, навстречу приключениям.

Путь в новую жизнь начался уже сейчас!

Спустя час унылого пейзажа за окном я в сотый раз поелозила на месте, пытаюсь устроиться удобней на твердом сиденье кареты. Удивительно, неужели нельзя было сделать его мягким? Должно же быть хоть какое-то подобие комфорта при столь долгих путешествиях!

Но еще больше, чем отбитый от тряски зад, раздражал мерный храп супруга. Он сидел, откинув голову чуть в сторону, в совершенно неудобной позе. Но это не мешало Ллойд увидеть сладкие сны и даже периодически улыбаться. Вот уголок его губ снова дернулся в сторону, а я закатила глаза от возмущения, припоминая супружескую клятву: делить все тяготы на двоих. Почему в нашей паре мучаюсь только я?

Так, не выдержав превратностей дальней дороги и слишком хорошего настроения мужа, с силой наступила на его ногу, после чего искренне проговорила:

– Ох, простите! Это случайность!

Ллойд сонно моргнул, осмотрелся, словно не понимая, где он и с кем, а потом, вспомнив все, досадливо поморщился.

– А, это ты, – прошелестел муж, поводя плечами.

– Я, – ответила с показной грустью в голосе. – Всего лишь ваша молодая супруга, уставшая от бесконечно долгого пути.

Джеймс приподнял брови, выказывая удивление, и, отодвинув занавеску со своей стороны, выглянул в окно.

– Мы едем не больше часа, судя по пейзажу за окном, – недовольно проговорил он, возвращая занавеску на место. – Впереди не меньше трех часов пути.

– Трех часов?! – ужаснулась я.

– До станции, где мы сменим лошадей, – кивнул Джеймс. – Там же будет трактир, где можно перекусить и справить нужду. А потом еще два – четыре часа пути. До Заерда.

– Быть не может, – нахмурившись, я тоже выглянула в ок-

но, – люди не могут выдерживать по столько часов подобной пытки во время путешествий!

– В столице и близлежащих городах и не приходится, – подтвердил он, – там есть стационарные порталы для быстрых перемещений. Он есть и в Заерде, куда мы, собственно, и направляемся. Но в вашем Кельхельме, как все знают, имеет место магический излом, и вкладывать силы здесь во что-то подобное бесполезно.

– Да-да, – кивнула я, – но мне всегда казалось, что до столицы рукой подать...

– Казалось?

Ллойд молчал, неотрывно глядя на меня.

Когда, наконец, он моргнул и заговорил, я успела вспомнить, что здесь нас только двое, а кучеру плевать, как развлекается богатый господин со своей супругой в карете. Вот как вздумается ему...

– Ты никогда не была в столице?

Ах, вот что его взволновало!

Облегченно вздохнув, улыбнулась и искренне ответила:

– Никогда.

– Это странно, – нахмурился он.

– Отчего же? – удивилась я. – Думаете, много людей из нашего захолустья часто бывали в Ривенхейме?

– Думаю, да. И твоя мама наверняка ездила туда не раз. У нее ведь своя лавка с тканями? Судя по очередной поездке в Стетхейм за товаром, дело идет неплохо. Да и дом у вас

весьма хорошо обставлен – значит, не бедствуете.

– И что?

– Не могу понять, почему ты до сих пор не выезжала из Кельхельма. Ты точно не падчерица?

– Точно.

– Тогда с чего бы твоей матери запираť собственную дочь вдали от нормального общества?

– Не запираť, – недовольно ответила я. – Она называет это по-другому. Хочет обеспечить мне безопасность от всякого сброда. Вроде Марка.

При упоминании о товарище Ллойд зло ухмыльнулся и глянул на весьма скромный вырез моего дорожного платья.

– Значит, запретный плод сладок, – не спросил, а скорее утвердился во мнении супруг. Затем, словно встрепенувшись, проговорил с ехидной улыбкой: – И все старания матери пошли прахом. Она за дверь, а ты в объятья сброда.

Я лишь пожала плечами и отвернулась.

Да, мой план не блистал продуманностью и разработан был слишком спонтанно. Не каждый день звезды так улыбаются, как четыре дня назад: и мама уехала, и богатенький столичный хлыщ пожаловал.

Народ у нас в Кельхельме простой, и его реакцию на возвращение местной девицы можно было легко предсказать. Я хотела заставить Марка прилюдно дать слово чести, обручиться с ним и настоять на совместной поездке в столицу. А потом, уже в Ривенхейме, действовала бы по обстоятель-

ствам. Теперь, по здравому размышлению, пришло понимание того, насколько слабым и мало продуманным был план. Но признаваться в этом я не стала бы даже под пытками.

И потом, все ведь вышло хорошо. Кажется.

Улыбнувшись своим мыслям, довольно взглянула на супруга и едва не выругалась вслух: негодяй снова улегся спать.

Прикрыв глаза и повесив голову на собственную грудь, он мирно посапывал, раскачиваясь в такт карете. Однако мысль о том, чтобы будить его, я быстро отогнала прочь. Собеседник из Ллойда, прямо скажем, так себе. Уж лучше смотреть на деревья за окном, чем отвечать на неудобные вопросы!

Мы ехали по ухабистой дороге все дальше, время тянулось, словно резиновое, и я уже подумывала попросить мужа сделать небольшую остановку, чтобы хоть немного размять ноги, когда произошло непредвиденное.

Карета дернулась, качнулась в сторону и встала под аккомпанемент бранных слов кучера.

Ох, как лихо он жонглировал словами, я даже немного дверь приоткрыла, чтоб лучше слышно было.

– Почему мы стоим? – тихий голос над самым ухом заставил подпрыгнуть и тут же зашипеть от боли. Моя голова встретилась с любопытным носом некстати пробудившегося Джеймса.

И он – не смотри, что из благородной семьи, – выругался не хуже нашего кучера.

– Чего ты дергаешься? – завершил муж пламенную речь,

аккуратно трогая подушечками пальцев самую выдающуюся часть своего лица.

– А чего вы подкрадываетесь? – огрызнулась я, ласково поглаживая собственную макушку. – Напугали.

Проговорив что-то невразумительное, Джеймс жестом приказал отодвинуться от двери и выскочил наружу, строго вопрошая:

– В чем дело?

– Колесо, – сокрушенно ответил кучер. – Наехали на камень, оно треснуло и едва не отвалилось. И сейчас чудом держится.

Послышались удаляющиеся шаги, затем Ллойд снова подал голос:

– Сколько еще ехать до трактира?

– По времени? Часа полтора точно, массир.

Ответ мне не понравился. По левой стороне от дороги возвышался глухой лес, сменивший около получаса назад поля с колосющимся, не убраным пока урожаем зерна. По правой стороне, куда ни глянь, была пустошь. Попросить крова здесь было не у кого.

– Поедем вперед верхом, – констатировал мой супруг после недолгих раздумий. – Освободи лошадей.

– А как же ваша супруга? – выразил недоумение кучер. – Вы что же, к себе ее посадите?

– Какая супруга? Ах, эта...

Я злорадно ухмыльнулась, услышав в его голосе тоскли-

вые нотки. Вспомнил, голубчик, что теперь не один. До конца дней.

– Сам я поеду, массир, – проговорил кучер. – Приведу помощь – не успеете заскучать. Я уж знаю, как и с кем там договориться.

Вновь послышались шаги, лязг железа и недовольство лошадей. Чтобы не пропустить ни слова из важного разговора, я приникла к двери кареты, старательно вслушиваясь, и почти сразу полетела в объятия некстати вернувшегося Ллойда.

Рванув дверцу на себя, он оказался обладателем моего тела в своих слабых объятиях. Мы упали оба, хотя, признаюсь, для меня удар он все-таки смягчил. С собой.

– С-с-с... – прошипел муж, напряженно пытаясь подняться. – С-слезь с меня, С-с-софи!

– Вы снова меня напугали! – упрекнула его я, поднимаясь с земли и хмуро осматривая дорожное платье. – Как с вами ненадежно!

Джеймс резво вскочил следом, сделал решительный шаг ко мне и, наклонившись всем телом вперед, вытянул указательный палец, тыча им в мое недоуменное лицо.

– Ты... ты! Ты! – он явно пытался сказать что-то сильно его волнующее, но никак не мог подобрать нужных слов.

– Вы не пострадали, мисси? – пришел ему на помощь кучер, подводя к нам одну из лошадок. – Знатное падение, однако.

– Все хорошо, – завершила я неравнодушного мужчину и, бросая на супруга уничижительный взгляд, добавила: – Только вы уж постарайтесь вернуться скорее, а то супруг у меня из столицы. А вокруг лес.

– Понимаю, понимаю, – запричитал кучер, выводя лошадку на дорогу. – Одна нога там, вторая здесь. Все сделаем в лучшем виде, вы только от кареты не уходите далеко.

Последние слова он говорил, уже забравшись на животное и стегая его по бочине.

Я печально вздохнула, провожая взглядом наездника и прикидывая в уме, что даже при лучшем исходе раньше, чем через три часа, нас не заберут. Вот вам и поездка в столицу, вот и долгожданное путешествие. И ладно бы компания попалась хорошая, так ведь нет...

В подтверждение моих грустных мыслей супруг громко чихнул.

– Будьте здоровы, – без особой искренности пожелала я, забираясь обратно в карету.

– Твоими молитвами всех переживу, – с чувством ответил супруг. – Двигайся!

– Разве вам не полагается сесть на вожжи и наблюдать за округой? Мало ли что случится, – удивилась я, даже не думая пропускать супруга в салон.

Он с силой отодвинул мою руку и влез внутрь, злобно процедив сквозь зубы:

– Я лекарь, а не воин, милая Софи. Столичный хлыщ, как

вы изволили выразиться всей вашей деревней. Если кому и привычна подобная обстановка, то тебе, вот и разберешься “в случае чего”.

– Хам! – сделала вывод я.

– От хамки слышу, – было мне ответом.

Неловко хлопнув дверью, Джеймс качнулся в сторону и упал на свое прежнее место напротив меня. Карета дрогнула, взвизгнула, словно живая, и накренилась влево. Я задержала дыхание, боясь сделать лишнее движение. Ллойд тоже притих, хотя упал на лавку в очень неудобной позе.

– Кажется, обошлось? – предположила я спустя пару секунд.

Муж хотел что-то сказать, но не успел. Раздался треск, карета качнулась, а единственная оставшаяся в упряжи лошадка заржала на всю округу, после чего понесла нас вперед, в неизвестные дали.

По ухабам, по кочкам... явно игнорируя пусть и неказистую, но дорогу. Дура дурой.

Вцепившись в ручку двери и упершись ногами в стену, я визжала так, что закладывало уши. У правого виска иногда показывался ботинок упорно молчащего супруга, да мельтешила перед глазами развевающаяся во все стороны занавеска.

Снаружи снова что-то затрещало, перекрывая мой душещипательный вой, а в следующий миг в окно влетела ветка, едва не лишив меня сомнительного удовольствия видеть

мужнин ботинок. Глаз остался при мне, но висок обожгло острой болью, и я даже умолкла от неожиданности.

Еще миг, и карета остановилась.

Вдали послышалось громкое истерическое ржание мчащейся прочь лошадки...

Не выдержав накала страстей, я буквально свалилась на свою скамью. Стоило отпустить ручку дверцы, как та выпала наружу, открывая шикарный вид на лесной пейзаж.

– Приехали, – сообщила, нервно трогая подушечками пальцев поцарапанную веткой кожу.

– Руки! – скомандовал Ллойд, о котором я, признаться, успела на миг позабыть. – Смотри на меня, Софи. И не вздумай терять сознание! Слышишь?

Я посмотрела.

Супруг выглядел непривычно. Слишком уверенный в себе и собранный, без тени насмешки на породистом лице.

– Софи, скажи, кто я? – склонившись ко мне, уточнил супруг, при этом глядя не в мои глаза, а чуть правее.

– Сволочь, – честно ответила я.

Взгляд внимательных карих глаз метнулся к моему лицу, а на губах все-таки отразилась тень усмешки, когда он сообщил:

– Хорошо. Значит, жить будешь.

– Что там? – спросила, проникнувшись его сосредоточенностью. Раньше такого внимания господин лекарь ко мне не проявлял.

– Царапина. Но глубокая и нехорошая.

Джеймс отодвинулся и, пригнувшись, вынул из-под своей лавки кожаную черную сумку-кейс. Стоило ее открыть, и по салону кареты распространился специфический запах лекарств.

– Вы же маг, – недовольно пробормотала я, глядя на ловкие манипуляции супруга. Он как раз открыл несколько стеклянных пузырьков и накапал по десять капель из каждого в маленькую глиняную кружку. Слегка поболтав полученную смесь, Джеймс снова полез в кейс, проговорив через плечо:

– Ляг на свою лавку, раной вверх. И без возражений.

Желание возразить тут же усилилось во сто крат. Но боль в виске действительно нарастала, пульсировала, а помощь должна была подоспеть нескоро. Пришлось смирить свой нрав и выполнить указание супруга, бормочущего что-то под нос.

– Вот так, – понюхав жидкость в кружечке и спрятав во второй руке подозрительный пузырек, Ллойд одобрительно кивнул и достал кусок чистой ткани. – Будет немного щипать.

Я зажмурилась в ожидании, а он приблизился, аккуратно убирая волосы с пострадавшего места.

– Софи, я обработаю рану, – тихо, миролюбиво, даже как-то ласково проговорил супруг, – а потом нанесу заживляющую мазь. Постарайся не елозить и не дергаться.

– Да приступайте же! – взмолилась я, едва сдерживая себя, чтобы не сбежать.

Лекарей не любила с детства. А этот еще и обстановку нагнетать умел.

На кожу опустилась мокрая тряпка, и я сразу зашипела. Хотя боли почти не было. Но он так меня убеждал, что сдержаться не смогла.

– Ну-ну, – Джеймс подул на кожу, – ты молодец, осталось немного.

Приоткрыв один глаз, я попыталась посмотреть на мужа, но он тут же зашикал, заставляя вернуть голову в прежнее положение.

– Теперь мазь, Софи, а потом отпущу и делай что хочешь. Только ме-е-едленно. – Пропевая последнее слово, он обильно смазал рану чем-то холодным. – Прекрасно. Пара минут, и все пройдет. Можешь сесть, давай я помогу.

Растерянно распахнув глаза, приняла вертикальное положение, с недоверием поглядывая на суетящегося вокруг мужчину. Так и хотелось спросить, кто он и куда делся мой почти уже привычный супруг-хам?

– Голова не кружится? – с беспокойством уточнил Джеймс, не спеша отходить подальше.

– Нет, – ответила, забыв, что собиралась долго и противно ныть, костеря его за неумение лечить.

Просто так. Назло.

– Хорошо.

Он наконец присел напротив и, готова поклясться, выдохнул с облегчением. Переживал, что ли? По-настоящему? За меня?

– Джеймс, – прищурившись, слегка подалась вперед, чтобы лучше разглядеть выражение лица мужа, когда он будет отвечать на мой вопрос, – так вы что же, действительно врачуете? Это ваше призвание?

Он недовольно поджал губы и отвел глаза, словно я уличила его в чем-то пагубном. Затем, дернув плечом, кивнул, выплюнув:

– Призвание. Точно. И проклятье.

Я неверяще выдохнула. Ничего себе! Одно дело – родиться с магическими способностями и обучиться выбранной по душе профессии, и совсем другое – найти свое призвание. Это сродни чуду!

Мамина подруга, тетка Генридонна, была одной из таких людей. И ее призванием была торговля. Она могла продать и купить что угодно, сторговаться до мизерной суммы и потратить на поиски заказанной вещи несколько недель, находя ее буквально по запаху и внутреннему предчувствию. Во время работы, стоило ощутить кураж, как тетя Генридонна словно впадала в транс. Ее было уже не остановить, пока дело не разрешится...

И вот сегодня я второй раз в жизни встретила мага, работающего по призванию. Точнее, встретила не сегодня, но этот лихорадочно блестящий взгляд открыл мне правду

только теперь.

Увидев рядом пострадавшего, Ллойд просто позабыл о том, где мы и кто, его целью было излечить больного. И он не мог быть спокоен, пока не убедился, что я в порядке.

– И много таких магов в столице? – решила уточнить я, несмотря на явно плохое настроение собеседника.

– Побольше, чем в твоём захолустье, но нами все равно не разбрасываются, – мрачно ответил Джеймс, добавив тихо: – Хотя иногда обстоятельства складываются таким образом, что уже плевать на перспективу.

– О чем вы?

– Скоро хорошие люди донесут, – буркнул супруг, и я вновь узнала в нем прежнего, недовольного всем на свете Джеймса. Лекарь из него выветрился, словно и не было. Выходит, и вправду жить буду – рана несерьезная.

Значит, все будет хорошо!

Стоило подумать об этом, как вдали завыл волк. Кровь застыла в жилах, а руки замерли на полпути к повязке, желая ее поправить.

– Кто это? – сделав огромные глаза, спросил супруг. Моя надежда и опора. До самой смерти. И, судя по испугу, отразившемуся на его холеном лице, скоро мы оба отмучимся.

– Волки, – ответила раздраженно, высунувшись из кареты и потянувшись к земле за отпавшей дверью.

Только коснувшись ручки, заметила выбитое окно и торчащий из него острый сук. Прикрыться от зверя этим вряд

ли удастся. Вернувшись в салон, посмотрела на Джеймса и уточнила:

– Вы ведь владеете мечом?

– Владею, – как-то слишком спокойно проговорил муж.

– Слава всевышнему. Доставайте!

Ллойд воззрился на меня, как на идиотку, и отчеканил:

– Доставать – твоя прерогатива! Всех и всюду! Я являюсь владельцем меча, но не таскаю его с собой. Куда, ты думаешь, я его спрятал?

Первые несколько секунд я еще с надеждой ощупывала взглядом его дорогой костюм.

– То есть, кроме того, что надето на вас, и сумки с лекарствами, ничего нет? – поняла наконец, чувствуя, как холодеют пальцы.

Он зло скрипнул зубами и, щелкнув замком сумки, достал тонкий узкий стальной нож. Зажав в руке свое оружие, муж снова закрыл сумку, бережно спрятал ее под лавку и устался на дверной проем.

– Вы что, решили уморить волков смехом? – кипя от злости, я вскочила с места и выпрыгнула из кареты. – Разведите костер, пока не поздно. Или, на худой конец, посадите меня на дерево! Будем ждать там настоящих мужчин. Кто-то должен нас найти.

Он вышел следом. Посмотрел на свою руку, что-то шепнул, качнул головой. Приблизившись, недовольно поморщился и проговорил сквозь зубы:

– Выбирай дерево.

Не помню, что хотела сказать, – в голове стало пусто сразу после того, как услышала тихий хруст веток слева от нас. Обернувшись на звук, прищурилась, но никого не увидела. И тут же пришло понимание: поздно. Мы не успеем спрятаться.

И пожить не успеем.

Волк вышел медленно, осторожно ступая мощными лапами по сухой земле и не сводя с нас желтых в крапинку глаз. Следом показались второй и третий... Они не спешили, прекрасно понимая свое численное превосходство.

Я медленно отступила назад и наткнулась на мужа.

– Им достаточно одного из нас, – вдруг шепнул Джеймс, а его рука коснулась моего живота, плавно передвигая меня в сторону. Я послушно перешла за спину Ллойда, и теперь он стоял ближе к волкам. – Если ты побежишь сейчас, они не станут преследовать. Сможешь сама забраться на дерево?

Пришла моя очередь округлять глаза от ужаса. Почему-то только теперь, после едва слышно произнесенных слов, я задрожала всем телом, осознавая реальность происходящего.

– Ты что, тупая? – чуть громче зашипел Джеймс, и волки тут же зарычали, оскалились. – Беги...

Он подтолкнул рукой, а волк, остановившийся ближе всех, ощерился и слегка пригнулся.

– Нет, – ответила тихо, не в силах сдвинуться с места. Ноги приросли к земле, а волосы встали дыбом от страха.

Новое рычание заставило меня зажмуриться. А потом раздался гортанный рев, и я перестала чувствовать супруга перед собой. Глаза открылись сами собой, сверкнул на солнце показавшийся в руках Джеймса маленький стальной нож. Захрипел, класнув зубами, волк. Завыли остальные звери.

Все это послужило сигналом... не только для стаи.

Что-то закипело в моей крови...

Неведомое, невероятное. Никогда раньше не ощущала ничего подобного! Только что слабая и немощная, я словно окунулась в мифический источник силы! Жгучее желание жить заставляло испытать совершенно ненормальное бесстрашие.

Мироощущение изменилось, словно все вокруг замедлилось. Я видела, как падает вожак стаи, и точно поняла: он смертельно ранен. Из рта волка лилась алая кровь, окропляя сухую землю...

Видела, как Ллойд, согнувшись и покачиваясь, сделал шаг в сторону, примеряясь к следующему зверю, а тот уже примерялся к жертве, собираясь прыгать.

Видела, как белая рубаха Джеймса наливается красным в месте, куда успел впиться вожак перед поражением.

Когда следующие два волка прыгнули на него одновременно, Ллойд пригнулся, целясь своим смертельным оружием в живот одному из зверей, и в тот же момент я вскинула руки, горевшие от скопившейся на кончиках пальцев силы.

Я чувствовала, как страх покидает меня, превращая в рав-

нодушную марионетку чего-то темного, мерзкого, леденящего...

Хищники полетели навстречу, больше не сдерживая ярость и не желая играть! Они мчались, разинув пасти, а я засмеялась.

Один из волков успел полоснуть меня когтями по запястью и тут же завыл, корчась от боли, словно не кровь брызнула ему на морду, а яд. А дальше... Дальше для них все было кончено.

Поток темной леденящей энергии вырвался из меня, сбивая с ног. Падая, слышала, как кричали не хуже людей волки, видела, как корчится в болезненных конвульсиях напавший на меня...

Перед тем как глаза закрылись, мир снова сдвинулся, пошатнувшись. И замедлилась уже я, думая лишь о том, что сила не ушла до конца, часть ее осталась во мне, пульсируя рядом с сердцем.

Или она всегда была там?..

Глава 4

как понимаешь, почему друзья не спешат жениться

Я был готов бороться до конца, дорого продав этим тварям свою жизнь. И сожалел только об одном: о своей женитьбе. Если бы не собственная глупость, все еще сидел бы с друзьями в уютной харчевне, где подают добротный эль.

Но все потеряно: нет больше друзей, нет свободы, нет будущего. Причем для нас обоих.

Внутри все болело еще от одного осознания – я понимал: глупая девчонка тоже погибнет. И мой чертов дар, даже на пороге смерти, не давал покоя, заставляя волноваться о практически чужой малознакомой женщине.

Однако все мысли испарились из головы, как только главный волк припал к земле, готовясь к прыжку. Подчиняясь инстинктам, я закрыл собой Софи и крепче сжал скальпель. Будто это могло помочь...

Страх пронесся по позвонку, словно гугорот провел липким холодным языком – до мороза по коже и мурашек на затылке. В висках застучало.

Слегка согнув ноги в коленях, я присел и чуть наклонился вперед, готовясь отразить нападение.

За миг до того, как волк прыгнул, я громко утробно зарычал, стараясь хоть так избавиться от ужаса, проникшего в кровь ядом, отравляющего сознание и отнимающего веру

в чудо. Рванул навстречу зверю, метясь в одно, четко определенное место. В печень. Удар нужно было нанести снизу спереди под правое нижнее ребро, направляя скальпель чуть вверх и слегка провернув его в ране.

Я знал теорию очень давно, но никогда не думал, что придется проделать это на практике...

Время словно остановилось.

Были только я и волчий оскал. Мы добрались друг до друга в воздухе, оба оторванные от земли. Он прыгнул, я упал на колени. Скальпель вошел куда нужно, но и клыки плотно обхватили мое предплечье... Странно, но в первый миг я ничего не почувствовал, разве что оцепенение и недоумение. Но спустя три удара сердца о ребра волк вдруг обмяк, отпуская свою добычу. Тогда стало больно. Да так, что выть захотелось уже мне.

Изо рта зверя лилась кровь, и сквозь мутнеющее сознание я понял: все получилось, как и было задумано. Враг повержен. Пусть только один, но все же...

Еще несколько ударов сердца, и я с удивлением обнаружил, что страх совершенно ушел и жалость к себе пропала. А еще дико захотелось продлить агонию, называемую жизнью. Хотя бы не для себя, а для глупой девчонки, не ставшей убегать.

Словно в насмешку моим мыслям, оставшиеся волки, притихшие на пару секунд, внезапно оскалились, медленно двинувшись в нашу сторону. А потом бросились в атаку.

Двое были впереди. Без предупреждающих сигналов или игр в “кошки-мышки”, они прыгнули... В отместку за жоака.

Я только и успел, что вскинуть руку, все еще сжимающую скальпель. Одного мой удар настиг, и я с ужасом понял, что второй метит в Софи.

“Не защитил!” – пронеслось в голове.

И тут случилось невероятное. Некая сила буквально отшвырнула меня в сторону, оставляя без оружия. Упав возле одного из деревьев, я почувствовал, как вышибло из легких весь воздух, и на миг решил, что задохнусь. Тогда же совсем рядом завопил волк. Обреченно и страшно. Я вздрогнул, дернулся вперед. Казалось, прошла вечность, пока смог перевернуться на живот, сделал сиплый вдох и попытался подняться.

Снова вой, на этот раз волк был не один. Я почувствовал, они звали на помощь. Громко, надсадно, скорбно.

С первого раза не вышло: тело не слушалось, в голове шумело, прокушенная рука мелко дрожала. Наконец справившись с собой, встал на подгибающиеся ноги, неловко качнувшись в сторону, и прищурился, пытаясь найти Софи. Но землю вокруг заволокло темным туманом, от него слезились глаза и сбивалось дыхание. Или это сказывались переломы?

Ветер принес запах крови и смерти, хлестнул по лицу и затих. Только тогда я понял, что происходит нечто неправильное. И вскинулся в новой попытке разглядеть, где Софи.

Увидел, бросился вперед, не обращая внимания на боль в

предплечье и груди. И замер в шаге от нее, понимая, что опоздал. Туман отступил от девушки, клубясь лишь возле ее ног, касаясь кончиков пальцев.

Софи, лежа сломанной куклой возле убитого мною волка, смотрела в небо совершенно пустыми глазами, в центре белка которых только-только появлялись зрачок и радужка.

От подобного зрелища меня бросило в дрожь. Пронеслась даже подлая мысль попытаться сбежать. Как сбежала часть стаи, потерявшая вожака и напуганная темной магией. Как улетали прочь птицы, заставляя лес вокруг нас безмолвствовать. Даже ветер затих, притаился, ожидая, что будет дальше. Потому что пришла любимица смерти.

Темневик.

Моя жена.

Страх перед ними глубоко засел в мое подсознание. И я уже сделал шаг назад, только вот проклятый дар не позволил трусости взять верх. Софи прежде всего оставалась человеком. Она истекала кровью, и ей срочно нужен был лекарь. Тот, кто дарит жизнь. Я.

Вот такая насмешка судьбы. Интересно, на что боги сделали ставку, когда дали добро на столь противоречивый союз?!

Вернувшись к карете, я вынул свою сумку и, на миг привалившись к одному из деревьев, прикрыл глаза, пытаясь таким образом чуть прояснить зрение.

Пелена застилала все вокруг, а сердце уже билось где-то в

горле, когда добрался до Софи и откупорил несколько склянок с настойкой, пропитанной магией. Одну влил в ее чуть приоткрытый рот, приподняв ей голову; другую выпил сам.

Безумно дорогое средство, названное уважаемым всеми магистром Пулем “второй шанс”, было пущено мною в расход впервые. И сразу в двойном количестве.

Уже перед тем, как глаза окончательно потеряли способность видеть, а сознание погрузилось в блаженную негу, я подумал вдруг, сколько бумажной волокиты предстоит, если выживу, – пока отчитаюсь перед всеми за растрату ценных ресурсов, может и война кончится?

“Второй шанс” сработал. По крайней мере со мной.

Спустя некоторое время я открыл глаза, чувствуя озноб и жуткий голод. Раненые рука и плечо чесались, но не болели, только на коже появились едва заметные шрамы – напоминание, что встреча с волками мне не привиделась.

Вместе с чудесным исцелением пришли безразличие и сильная заторможенность – последствия действия лекарства. Поэтому не было ни страха, ни сожалений, ни утомительных самобичеваний.

Медленно усевшись, я повернулся и оценивающим взглядом уставился на Софи. Бледная, с залегшими под глазами розовыми кругами и голубоватого оттенка губами, она не вселяла радужных надежд.

– Что ж, эликсир не всегда срабатывает... – Я философски пожал плечами и, громко сопя от натуги, пересел к ней

поближе. Отстраненно отметил про себя, что мышцы затекли от холода и долгого пребывания в неудобной позе; в горле першило, а одежда, пропитанная кровью, стала дубовой.

Присев рядом с супругой, аккуратно отодвинул ворот платья от горла и приложил два пальца к бледной коже, пытаюсь нащупать пульс. Ничего. Хотя Софи все еще была теплой, сомнений не осталось: совсем недавно она отбыла в мир иной. А я теперь вдовец. Отдохнул, называется, от столичной суеты и привел нервы в порядок.

– Не успел. Или, может, любимчикам смерти требуется доза побольше? Нужно будет уточнить у магистра Пуля, – пробормотал и покачал головой, понимая, что не располагаю еще одной порцией лекарства, чтобы проверить предположение на месте.

Холодность, апатия и безэмоциональность не давали впадать в уныние, хотя даже сквозь них я понимал, что где-то внутри зреет ураган, способный вогнать в тоску навеки. Я не спас девчонку, не уберег. Но пока на душе господствовал штиль, а в голове шумел ветер, отгоняя опасные страшные мысли.

“Поистине убийственное забвение, – подумал, прислушиваясь к себе. – Вот что нужно было выпить, когда Элиза ушла”.

Я вздохнул и собирался подняться, чтобы отправиться за своим саквояжем, когда веки покойницы дрогнули и поднялись, обнажая пустые белки глаз. Ни зрачка, ни радужки,

только пустота. Но отчего-то я точно понял: Софи смотрит на меня.

Где-то в мозгу забрезжила одинокая мысль о том, как повезло с успокаивающим откатом от исцеляющего зелья, иначе в лучшем случае стал бы зайкой до конца своих дней.

– Джеймс, – тихим хриловатым голосом проговорила Софи, при этом едва шевеля губами. – Это ведь ты?

– Я, – ответил, уже второй раз за сегодня мечтая бежать от нее, но оставаясь на месте.

Впрочем, рассудок быстро подсказал, что прятаться от темнеика в этом лесу бессмысленно. Тем более что эта бледно-голубая нечисть – моя жена.

– У меня в груди что-то, – шептала тем временем Софи. – Болит.

– Рана? – уточнил я, с сомнением глядя на вполне себе целое платье.

– Н-нет. Будто кошка расцарапала. Но внутри. Глубоко.

Миг, и я почувствовал то же самое, но в другом месте. Перевел задумчивый взгляд на собственное предплечье, чувствуя там легкое покалывание, перерастающее в ноющую саднящую боль. Отодвинув рубашку, скорбно уставился на то, как на едва зажившей коже проявляется вязь рисунка. Глаз с бледными очертаниями зрачка.

Метка смерти, называемая “дар жизни”. Я точно о ней слышал. Прикрыв глаза, погрузился в глубины памяти, пытаясь восстановить нужные знания.

“... Древняя магия, – вещал голос магистра Велье, – сильная и страшная! Смерть тоже имеет свои слабости, и чувство справедливости у нее весьма своеобразно. Так, в награду за проявленную доблесть и за жертву, принесенную храбрцом, она может отсрочить уход, подарить шанс, призрачную возможность отвести глаза от ее посланников, заменив себя кем-то другим. Может назначить вас своим любимчиком. Но не разочаруйте ее, иначе сто крат пожалеете о своем новом даре...”

Знания всплывали в памяти, не вызывая явных эмоций, но рождая смутную тревогу. Однако стоило Софи шевельнуться рядом, и я вновь уставился на нее, мгновенно позабыв о метке-артефакте, о которой слышал когда-то на лекциях.

– Не понимаю, что со мной, – проговорила девушка, приподнимая руку, словно в поисках опоры.

Раньше, чем успел подумать, наклонился вперед, помог сесть, успокаивающе погладил по голове и спокойно пояснил:

– В тебе проснулся дар. Такое бывает в экстремальных ситуациях, когда накал эмоций слишком велик. Например, когда выходишь замуж за первого встречного, бросаешь дом и едешь в лес кормить волков. Собой. Кроме того – так уж вышло – ты сразу прошла инициацию, пустив в себя силу. Это необычно, но, похоже, вполне имеет место быть...

– Впустила силу? – Она зажмурилась и облизнула сухие губы, вновь наливающиеся прежней краснотой.

– Ты умерла, Софи, – терпеливо пояснил я. – Хотя и ненадолго. Побывала за гранью и вернулась не одна, а с силой, принадлежащей тебе. Скорее всего, по праву рождения. Ты – темневик. Любимица смерти.

Она снова распахнула глаза. “Карие, – облегченно отметило подсознание. – Душа не пострадала”.

– Темневики? – Она схватила меня за руку. – Это темные маги? Те, кого находят еще малышами и забирают из семей? Я слышала, за сокрытие таких детей родителей ждет смертная казнь... Нет-нет, ты не прав.

– А волки сдохли сами, осознав, какие неудобства нам причинили? – уточнил я, кивая на пепелище неподалеку. – Сгорели от стыда в прямом смысле слова?

– Может, это кто-то другой? – с надеждой спросила супруга.

– Может, – устал спорить я. – Тогда спасибо ему. Кто бы он ни был.

Наши взгляды встретились, и я вспомнил, что так и не поднял ее с холодной земли.

– Ладно, идем отсюда, – заявил решительно.

Она согласно кивнула, доверчиво обхватив плечи и продолжая говорить:

– Пойми, если бы мама знала, то не стала бы нарушать закон. Нет-нет. Поверь, она просто не могла знать. И потом, может быть, все действительно не так, как тебе показалось. Я слышала, что люди с таким даром – большая редкость.

– Ну, с недавних пор так и есть, – направляясь к карете, согласился я. – Даже среди темневиков способность заключать сделки со смертью чрезвычайно редкая и опасная, и я сам мало что о ней знаю. Что же касается твоей матери, то, пожалуй, она могла предполагать, чем закончилось ее приключение в столице. Или сама обладала даром, что вряд ли, или... твой отец. Ребенок с такой силой из несостоятельной семьи обречен на воспитание Магистратом. Поэтому она и держала тебя в вашей глуши безвылазно. Городок находится в низине, в аномальном месте. Там практически невозможно работать с магией. Разве ты не замечала, как мало одаренных проживают по соседству? Я и сам уехал оттуда словно опустошенный.

Софи молчала, только хмурилась сильнее и упрямо поджимала губы.

– Ты боишься, что ее накажут, – понял я, помогая забраться в карету и сесть на перекошенное сиденье.

Софи перевела решительный взгляд на меня и сообщила: – Я этого не допущу. Не знаю, подозревал ли кто-то о даре или нет – об этом может сказать только она сама, – но зла мама точно никому не желала. Приедем в столицу, и я напишу ей.

– Отличная мысль. А пока мы поступим проще: ты не станешь показывать свои умения. Никому. – Я собрался вернуться на поляну за своей сумкой с лекарствами, но все-таки договорил: – Это станет небольшим секретом. Пока что.

Ты не училась в академиях, твоего имени нет в магических регистрах, а сила может никогда больше не проявиться, если не провоцировать ее.

Софи некоторое время обескураженно молчала, а потом спросила шепотом, словно боясь, что нас могут подслушать.

– А ты? Ты ведь знаешь теперь. И обязан доложить.

– Ничего подобного. Велено рассказывать об одаренных детях, а ты на ребенка не похожа. Разве что мозгами.

Софи несколько раз возмущенно открыла и закрыла рот, желая что-то сказать, но не произнося ни звука. Страх начал медленно уходить из ее глаз, и я, удовлетворенно улыбнувшись, пошел за саквояжем.

На самом деле смешного было мало. Точнее, его вообще не было...

Отчего-то вспомнилось, как много лет назад младший брат, Эндрю, принес в дом пойманную в саду мышь и поселил ее в банке у себя под кроватью. Мне было предложено разделить эту страшную тайну. Больше Эндрю таких роковых ошибок не совершал.

Скрывать что-то я никогда не умел.

Особенно если задавать вопросы начинали женщины. Особенно если это мама. С нежным голосом, с ласковым взглядом... “Почему ты такой бледный, дорогой? Почему не смотришь мне в глаза? Ты заболел? Ты плохо спал? У тебя что-то болит? Есть что-то, о чем я должна знать, милый?”

Тем же вечером мышь съехала из стеклянных апартамен-

тов, щедро предоставленных братом, обратно в сад, а сам Эндрю был вызван на беседу в кабинет отца. Это считалось высшей формой наказания в нашем доме.

Но упомянутому случаю было больше пятнадцати лет, и, возвращаясь к карете с лекарской сумкой, я подумал о том, что все могло измениться в лучшую сторону.

Вдруг я научился лгать? В конце концов, разве тяжело это – скрыть темный дар? Отправляюсь на черный рынок, куплю для Софи несколько браслетов, сдерживающих силу, выпишу ей успокоительный чай и постараюсь не показывать ее людям, пока не смогу получить официальное расторжение брака. Как-то же его можно расторгнуть? Тогда отвезу ее назад, в забытый магией Кельхельм, и сдам на руки блудной матушке. А уж от кого она нагуляла дочурку, я знать не хочу... Пусть все останется в тайне.

Мои мысли прервал тихий женский голосок. Софи, покинув карету, стояла с другой ее стороны и мирно беседовала... с деревом.

– Джеймс, – услышав мои шаги, она радостно обернулась и взмахнула рукой, – смотри-ка, мы не одни заблудились в этом лесу!

Я медленно поставил сумку на землю и учтиво кивнул старому дубу, рьяно соображая, что делать дальше. Одно дело – скрывать темный дар супруги, и совсем другое – ее больную голову.

– Это мой муж, Джеймс Ллойд, – тем временем продол-

жала говорить Софи. – Он лекарь и мог бы посмотреть вашу рану.

Я поджал губы, но под многозначительным взглядом супруги присмотрелся к дереву. Ничего особенного: дуб обыкновенный, кора не поврежденная, ветки с листиками торчат в разные стороны...

– Ну как? – деловито осведомилась она. – Поможешь?

– Само собой, – ответил, опустившись на корточки. Открыл саквояж, заклинанием надел магическую защиту на руки и стал искать пузырьки с настойками белладонны, пустырника и змеевика. – Сейчас сделаю лекарство, и тебе нужно будет его принять. Это все переутомление, но змеевик быстро вернет силы, а белладонна покой...

– Мне не нужно, – отмахнулась Софи. – Я уже пришла в себя. Ты Питу помоги. Он говорит, трое суток уже ищет хоть кого-нибудь в этой глуши. Даже в болото попал и чудом выбрался. Представляешь, как ему повезло, что мы здесь?

– А нам-то как повезло, – не отвлекаясь, поддержал разговор я.

– Джеймс, – Софи топнула ногой, – ты что делаешь? Я ведь серьезно! У парня коряга в ноге была, а вдруг это опасно?

Несколько раз кивнув, я уже почти доделал смесь, когда наконец уловил смысл сказанного.

– Какой Пит? – вскинув голову, уставился на жену.

Она пару раз удивленно моргнула, потом нахмурилась и

раздраженно ткнула рукой влево. На этот раз чуть в сторону от дерева.

– Ты что же, ослеп? – негодующе осведомилась супруга. И сразу повернулась к пустому пространству, чтобы его успокоить: – Простите его, Питер, мы такой стресс пережили из-за поломки кареты, до сих пор слабость во всех конечностях. Кстати, как вам удалось избежать встречи с волками?..

И тут она осеклась. Замолчала, глядя в пустоту, поводила перед собой рукой, обошла тот самый дуб по кругу и наконец обернулась ко мне, чтобы спросить:

– Где он?

– Пит? – на всякий случай уточнил я.

– А кто же еще?! Он ведь только что... вот здесь... Ой, мамочки... Джеймс? Ты ведь видел этого рыжего паренька в странной одежде? Ну, такой вот, невысокий...

Я все-таки добавил пару капель настойки пустырника в склянку, где уже намешал две составляющие до этого. Все взболтал, прикрыв пробкой, и протянул Софи.

– Переутомление, – сказал убежденно, – так бывает...

– Как бывает? – ее голос заметно дрожал. – Кто-то еще из твоих пациентов видел несуществующих людей?

– Нет, – задумчиво ответил я. – Ты у меня... особенная, похоже...

Несколько секунд мы смотрели в глаза друг другу, затем она села напротив и, выхватив смесь настоек из моих рук, разом опустошила пузырек. Выпила до дна, не спрашивая,

что это и как принимать.

– Мне нужно поговорить с мамой, – убежденно заявила Софи, вытирая губы тыльной стороной ладони. – Но она вернется в Кельхельм только через несколько дней, а может, пробудет там и дольше – как потребуют дела.

– Заедем на телеграф и отправим ей магическое письмо. Оно найдет адресата в любой точке Кавергарда. И прочитать послание сможет только адресат, что в данной ситуации немаловажно.

Я грустно заглянул в пустой пузырек, перевел взгляд на зевающую Софи и добавил:

– Хотел сделать тебе успокоительное на несколько дней. Чтобы пила и блокировала силы тьмы. Пока ты не испытываешь сильных эмоций, они не должны всколыхнуться снова. Я так думаю...

– Но я выпила все, – жenuшка прижала руки к груди, – что теперь будет?

– В теории? Ты будешь выглядеть очень уставшей и при первом удобном случае уснешь. Надолго.

– Главное, чтобы не насовсем!

– Для “насовсем” нужно еще немного капель белладонны прибавить, – ответил, с некоторым сожалением убирая настойки в саквояж и закрывая его, – но на будущее советую подробно спрашивать инструкцию к назначаемым лекарствам. Перед употреблением, а не после. Как Питер? Видишь его еще?

Софи воровато осмотрелась.

– Нет. Я даже не уверена уже, что он был. Может, правда устала, Джеймс?

– Не дай бог мне так устать. – Поднявшись, протянул ей руку и помог встать следом. – Пойдем-ка к дороге, а то нас так не найдут вовсе, а времени прошло уже много. Карета застряла “задом” к тем деревьям, значит, нам туда, мимо них.

Супруга кивнула, жалобно то ли вздохнула, то ли всхлипнула и двинулась в путь. И я внезапно даже для самого себя схватил ее за руку, потянул на себя и прижал к груди, погладив по светловолосой голове. Слов утешения подобрать не смог, как, впрочем, и объяснить порыв успокоить ту, в ком таилась тьма. Это было как минимум странно. Каждый маг прекрасно знал, что темневиками не становятся, а рождаются и люди, обладающие подобным даром, априори не нуждаются в жалости. Они сильные духом, крепкие телом, порывистые, внезапные и часто довольно-таки жестокие.

Только вот Софи снова всхлипнула и громко шмыгнула носом, совершенно не напоминая стальную нескгибаемую мисси, способную испепелить стаю волков, посмевших на нее напасть. Нет, она совсем еще девчонка, доверчивая, испуганная и совершенно не представляющая, каков мир за пределами ее маленького городка. Мать очень постаралась спрятать ее, а я, идиот, доигрался. Забывшись на дне бутылки, утопил разум в хмеле, и в итоге вышла невероятная глупость, грозящая перерасти в большую беду.

В большую беду с красивым именем, взбалмошным характером и светлыми, мягкими, как шелк, волосами.

– Я уже успокоилась. – Софи подняла ко мне заплаканное лицо, сонно моргнула и, пожав плечами, договорила: – Не знаю, что это на меня нашло. Прости... те.

– На тебя нашло слишком многое, – грустно улыбнувшись, вынул платок из нагрудного кармана и передал ей. – И так уж вышло, что мы стали соучастниками пробуждения твоего необычного дара. Но давай искать во всем положительные моменты? Если бы не твой безумный план, быть бы мне всю жизнь неженатым, потому что второй раз делать предложение я бы просто не решился.

Софи хмыкнула и посмотрела на колечко, поблескивающее на безымянном пальчике.

– Если бы не твой дар, то нас сожрали бы волки, – продолжил говорить я.

Она передернула плечами и нахмурилась. Признаться, я тоже почувствовал новый прилив слабости в конечностях при воспоминании о клыках этих тварей.

– Так что жалеть о случившемся – глупо, – закончил мысль я.

– Я и не жалею, – зевнула Софи и чуть покачнулась в мою сторону, – вы – умный и смелый, из благородной семьи, богатый и... более-менее... симпатичный. Слабоваты, конечно, и оружия не носите, ну так у вас раньше просто жены не было, которую надо защищать. И профессия хорошая.

– Спасибо, – сквозь зубы процедил я. Почему-то особенно задело ее “более-менее... симпатичный”.

Про то, что драться не мастак, знал и раньше, да и свой особенный интерес к деньгам Софи никогда не скрывала, поэтому все это мало волновало. А вот моя внешность девушкам всегда нравилась! В столице я даже слыл красавчиком. Но много ли может понимать простая провинциалка?

– Вы что, обиделись, Джеймс? – удивилась женушка, с интересом рассматривая мое лицо. – Не переживайте. Я уверена, в столице найдется масса мастеров, способных обучить драться даже такого, как вы.

– Даже такого? – совсем разозлился я.

– Ну видно же, что вы не из тех, кто привык держать оружие в руках. – Она снова зевнула. – Лощеный весь и говорите смешно – слова растягиваете.

Я глубоко вздохнул, напомнил себе, что супруга выпила слишком большое количество успокоительной настойки, а потому может просто не отдавать себе отчета в том, что говорит, и протянул руку вперед, рывкнув:

– Идем! Не то останемся жить в этом лесу.

– О, да, конечно, – она закивала и, ухватив меня под руку, прислонилась к плечу. – Надо идти.

И уснула. Стоя, громко сопя и привалившись сбоку.

Мои пальцы разжались, и на землю с глухим стуком опустился лекарский саквояж. Воспитание не позволило выругаться вслух, но про себя я сделала это с огромным удоволь-

ствием.

Подхватив горе-супругу на руки, скорбно вспомнил про все пропущенные во время обучения тренировки и медленно пошел в сторону дороги.

В голову заползали странные мысли. Как ни странно, думал я не о том, что делать с даром Софи, а о справедливости ее слов. Ведь случись что-то подобное снова, я действительно окажусь бессилён. Кинжал или новомодный револьвер – не мое оружие. В рукопашной тоже не преуспел. Такова моя природа: вряд ли я смог бы вдруг пойти и научиться борьбе или метанию ножей... да и с мечом ходить совсем неудобно.

Но вот пару магических пассов, обезоруживающих или временно блокирующих физическую силу противника, выучить следовало.

Глава 5

как новобрачные добирались до столицы

Все происходящее после выпитого лекарства я помнила очень смутно. Словно погрузившись в вязкий туман, не могла понять, куда плыву, зачем и кто рядом. Но ощущение необъяснимой надежности не покидало.

Откуда-то издалека раздавались голоса, они то становились громче, то затихали. Бряцало железо, ржали лошади, ругались мужчины...

А потом была качка, во время которой к губам изредка подносили флягу и позволяли сделать несколько жадных глотков воды. Иногда при этом я открывала глаза и что-нибудь говорила. Но что – не помню.

Когда карета наконец остановилась, мне удалось разобрать слова Джеймса Ллойда: он просил зарезервировать место для перехода порталом. На двоих спутников. Время было назначено раннее, а вокруг царилась ночь. Где-то рядом оглушительно лаяла собака, слышался звон отсчитываемых монет. “Серебряные”, – определила я на слух. Медяки при соприкосновении давали совсем иной звук. “Так он все разбазарит, – пришла новая мысль, – поторговался бы для начала...”

И снова навалился сон. Тяжелый, не приносящий облегчения.

Я много крутилась на твердой скрипящей кровати, пыталась взбить подушки и, кажется, несколько раз просила открыть окно и подать воды, пока окончательно не выпала из реальности.

Петушиный крик заставил дернуться, резко сесть и осоловело осмотреться. Хозяйства у нас с мамой никогда не было, поэтому я поначалу не поняла, откуда раздается подобный звук. Но, наткнувшись взглядом на супруга, все вспомнила.

Он лежал на соседней кровати, подложив ладонь под сильно заросшую щеку, смотрел на меня красными воспаленными глазами и не моргал.

– Джеймс, – позвала его я. – Ты жив?

– Не знаю, – ответил тот, едва шевеля губами, – но если жив, то лучше бы сдох.

– Тебе нужно учиться быть позитивнее, – решила я его подбодрить. – Да, кровати неудобные, зато воздух свежий.

В подтверждение моих слов супруг громко чихнул. Три раза. И покосился на распахнутое настежь окно.

– Приболел? Может, мне за чаем горячим сходить? Это гостиный двор? – Я скинула с себя два одеяла и вдруг поежилась от холода. – Ух, как свежо!

Ллойд что-то проскрипел кроватью, поворачиваясь на другой бок – ко мне спиной; и в этом скрипе показалась самая настоящая брань.

Супруг спал под тонкой простыней, укутавшись ею едва ли не по самую макушку. И чего, спрашивается, одеяло не

взял? Я-то покрепче буду, не изнеженная городом, как муж.

– Принесу еды!

Зевнув, присмотрела таз с водой и поспешила умыться.

Окно закрыла, а свои одеяла перекинула на мужа, подоткнув со всех сторон.

Он что-то буркнул в ответ, не то “спасибо”, не то “скотина”, но, скорее, первое, потому что второе уж больно грубо звучало, а Джеймс вроде как благородных кровей, ему не положено так на девушек обзывать, тем более на жену.

Перед выходом из номера на миг остановилась, задумавшись, как же теперь обращаться к мужу. Вечно сбиваться с благовоспитанного “вы” на простонародное “ты” как-то нелепо. Но ведь и мы теперь не чужие? Удовлетворенно кивнув собственным мыслям, уточнила у Джеймса:

– У тебя есть предпочтения в завтраке?

Он снова чихнул, выглянул из-под одеял, посмотрел на меня со злостью, будто это я виновата в его простуде, и тихо проговорил:

– Горячую воду в кувшине пусть подадут, я себе настойку сделаю. А завтрак на твое усмотрение. Через несколько часов нам нужно быть в порту. Если опоздаем, еще на сутки здесь придется остаться.

– Не опоздаем. Ты только не расхворайся, – улыбнулась я и добавила тихонечко, уже выходя: – Как же он людей лечит, когда слабенький такой. Всю заразу в дом, наверное, тащит. Беда с ним.

Наш номер был на втором этаже достаточно приличной гостиницы. В моем городе таких и не было никогда: полы чистые, аж скрипят, лестница нигде не проломлена и покрашена совсем недавно, стены украшены лепниной и затейливыми канделябрами, и запахи с кухни такие, что моментально живот судорогой скрутило от голода.

Заказав в номер еды и кипятка, я еще и во двор успела высунуться, чтобы убедиться, что и на улицах этого города чище, чем в Кельхельме, и люди одеты благородней.

В общем, по всем признакам столица была близка!

Вернувшись в номер, обнаружила мужа все еще в постели, но уже перед разложенным саквояжем. Он споро мешал какие-то настойки, отчего по помещению разнесся специфический запах лекарств.

– Тебе стало лучше? – заботливо уточнила я, присаживаясь напротив мужа.

– Нет, – коротко бросил он, не отрываясь от своего занятия.

– Тогда, может быть, мне помочь?

– Сам разберусь.

– Сейчас принесут воду, – усердно поддерживала разговор я. Не хотелось, чтоб муж держал обиду в себе. – Расскажешь, как мы здесь оказались?

– Нас нашли у леса. – Джеймс прикрыл пробкой бутылочку и хорошенько ее встряхнул.

– А подробней? Я ничего не помню...

Супруг возвел глаза к потолку, вздохнул, отложил намешанное лекарство в сторонку и стал убирать остальные бутылочки в саквояж, комментируя:

– Мы почти вышли к дороге, нас там уже встречали. Кучер с помощниками приехал несколькими минутами раньше. Они спросили, где наша карета, чтоб приладить колесо. Рассказал все как было... до волков. А с этого момента приврал немного.

– Они что же, к пепелищу ходили? – ужаснулась я.

– Конечно, карету вытащить хотели, но потом решили вернуться поутру. А про волков я сказал, что имел при себе магическое средство, купленное давным-давно, еще в университете, у экспериментаторов с темного факультета, на всякий случай. Мол, никогда не думал, что пригодится, а вон как вышло.

– Поверили?

– А как же. – Джеймс убрал саквояж на пол, укутался в одеяла и снова лег в постель. – Я убедительно лгу.

Поджав губы, я покачала головой, понимая, что никто ему не поверил. Врал-то муж ужасно, это было очевидно с нашей первой встречи... С другой стороны, простому люду все равно, как маг победил волков, главное – жив остался, и им ответ не держать перед стражей потом, как благородного господина с его супругой в лесу мертвыми нашли.

– А на самом деле такое средство есть? – уточнила на всякий случай. – Ну, чтоб врага испепелить.

– Конечно, только его достать очень тяжело. – Джеймс прикрыл глаза рукой и зевнул. – А теперь дай мне немного вздремнуть. Я полночи открывал и закрывал окна, слушал лепет про “невозможную духоту”, а потом “жуткий холод”, подавал воды и терпел сонные бормотания о том, как ты откроешь собственное ателье на мои деньги, чтобы вы с мамой жили долго и счастливо. В столице.

– Ох, – стало немного стыдно. Но не настолько, чтобы оправдываться. – Это все твоё лекарство. Надо было сразу предупреждать о дозировке...

– Зато теперь я знаю все твои коварные планы, – зевнул Джеймс. – Жаль, что им не суждено сбыться.

– Почему это? – насторожилась я.

– Мне нужен отдых! И тишина. – Муж отвернулся, яростно сопя и тихо бурча под нос: – Дай Верт терпения и понимания.

Пока Джеймс сопел и просил помощи у святого – покровителя лекарей, я только головой качала и думала, как же мне такого мужика матери на глаза в будущем показать. Вот уж она ужаснется, кому кровиночка в руки попала: телом слабый, постоять за меня не может, еще и из дома увез волкам на съедение. Нет, про волков ей лучше совсем не знать. Ну их.

А Ллойда перевоспитывать придется. Ну или развестись еще до материнского приезда в столицу. Меня расторжение брака не пугало, лишь бы откуп дали хороший... А если по-

везет – еще и девицей останусь!

Только тонкости этого мероприятия узнать надо было. Я слышала от наших девок, что в столице развод – плевое дело. Вот только на женщинах потом чуть ли не клеймо ставили: мол, гулящая, блудница. А с мужиков – как с гуся вода. Хоть сто раз разведись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.